

Ж У Р Н А Л Ы
СОБРАНИЙ СОВѢТА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
за 1912 годъ.

II января 1912 года.

№ 1.

Присутствовали, подъ председательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго, ординарные профессеры—А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ и А. А. Спасскій; экстраординарные профессеры—С. И. Соболевскій, И. В. Поповъ, М. М. Богословскій, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ, ординарный профессоръ М. М. Таръевъ, экстраординарные профессеры—П. П. Соколовъ и С. И. Смирновъ.

Слушали: I. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Окт. 25. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 24 октября 1911 года за № 14467:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 8 Октября сего года № 387, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи о перемѣщеніи студента I курса Казанской духовной академіи, семейнаго священника *Константина Вышеульскаго*, въ виду

его предрасположенія къ заболѣванію маляріею, въ число своекоштныхъ студентовъ I курса Московской духовной академіи, съ предоставленіемъ ему, въ виду крайней тѣсноты студенческихъ помѣщеній, проживать съ семействомъ на частной квартирѣ въ Сергіевскомъ посадѣ. Приказали: Согласно настоящему представленію Вашего Преосвященства и ходатайству Совѣта Московской духовной академіи, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи принять нынѣ священника Вышелтѣскаго въ число своекоштныхъ студентовъ сей академіи, предоставивъ ему, въ виду крайней тѣсноты студенческихъ помѣщеній, проживать съ семействомъ на частной квартирѣ въ Сергіевскомъ посадѣ; о чемъ увѣдомить указами Ваше Преосвященство и Преосвященнаго Казанскаго.

б) Отношеніе Правленія Казанской Духовной Академіи, отъ 19 ноября за № 1630, съ препровожденіемъ документовъ студента священника Константина *Вышелтѣскаго*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Окт. 25. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 24 октября за № 14471:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 8 Октября сего года № 388, по представленію Совѣта Московской духовной академіи объ избраніи въ почетные члены сей академіи Преосвященнаго *Иннокентія*, Экзарха Грузіи, Преосвященнаго *Сергія*, Архіепископа Финляндскаго, и сверхштатныхъ заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ Московской академіи, дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ Александра *Бѣляева*, Николая *Заозерскаго* и Митрофана *Муретова*. Приказали: Согласно избранію Совѣта Московской духовной академіи и настоящему представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ, на основаніи §§ 10 и 110 лит. в. п. I Уст. дух. акад., опредѣляетъ: утвердить Преосвященнаго *Иннокентія*, Экзарха Грузіи, Преосвященнаго *Сергія*, Архіепископа Финляндскаго, и сверхштатныхъ заслуженныхъ ординарныхъ

профессоровъ Московской академіи, дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ Александра Бѣляева, Николая Заозерскаго и Митрофана Муретова въ званіи почетныхъ членовъ Московской духовной академіи; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство и Преосвященныхъ Экзарха Грузіи и Финляндскаго указами“.

Опредѣлили: Изготовить для лицъ, утвержденныхъ въ званіи Почетныхъ Членовъ Академіи, установленные дипломы и просить ихъ о принятіи сего званія.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Окт. 25. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 25 октября за № 14503:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенное Исп. об. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Товарищемъ Оберъ-Прокурора, отъ 31 Августа сего года за № 8703, отношеніе за Министра Внутреннихъ Дѣлъ Товарища Министра, Сенатора Крыжановскаго, отъ 4 іюля сего года № 20027, о томъ, что онъ, Товарищъ Министра, полагаетъ соответственнымъ установить для духовныхъ академій приложенные къ отношенію а) *форму выдаваемыхъ студентамъ свидѣтельствъ*, замѣняющихъ имъ виды на жительство, и б) *перечень окрестностей городовъ С.-Петербурга, Кіева и Казани* для проживанія студентовъ. Приказали: Не усматривая препятствій къ установленію для студентовъ духовныхъ академій означенныхъ формы свидѣтельствъ и перечня окрестностей для проживанія студентовъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: форму свидѣтельствъ для студентовъ и перечень окрестностей С.-Петербурга, Кіева и Казани для проживанія ихъ, препроводить къ Вашему Преосвященству и къ Преосвященнымъ Митрополитамъ С.-Петербургскому и Кіевскому и Архіепископу Казанскому, для руководства Совѣтовъ духовныхъ академій, разъяснивъ, что означенныя свидѣтельства могутъ быть выдаваемы лишь тѣмъ студентамъ, которые имѣютъ право на жительство внѣ духовныхъ академій, перечень же окрестностей С.-Петербурга, Кіева и Казани для проживанія студентовъ имѣетъ отношеніе лишь

къ лицамъ, поступившимъ въ число студентовъ академіи по окончаніи другого высшаго учебнаго заведенія, какъ имѣющимъ, по примѣч. къ § 147 Уст. дух. акад., право проживать внѣ академическаго города; о чемъ послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и руководству.

IV. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Окт. 29. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 28 ноября за № 14710:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 14 Октября сего года № 457, по постановленію Совѣта Московской духовной академіи: объ избраніи назначеннаго опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 17—19 Августа сего года, преподавателемъ гомилетики и соединенныхъ съ нею предметовъ въ Томскую духовную семинарію *іеромонаха Игнатія (Садковскаго)* на должность помощника бібліотекаря академіи. Приказали: Рассмотрѣвъ настоящее представленіе Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: освободить *іеромонаха Игнатія (Садковскаго)*, за избраніемъ его въ помощники бібліотекаря Московской духовной академіи, отъ должности преподавателя гомилетики, литургіи и практическаго руководства для пастырей въ Томской духовной семинаріи, съ 19 Августа 1911 года; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство и Преосвященнаго Томскаго указами“.

б) Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на представленіи и. д. Ректора Академіи—профессора А. П. Шостыина, отъ 2 ноября за № 676: „1911 г. Нояб. 5. *Іеромонахъ Игнатій* утверждается въ должности помощника бібліотекаря“.

Опредѣлили: Объ освобожденіи кандидата богословія *іеромонаха Игнатія (Садковскаго)* отъ даннаго ему назначенія въ Томскую духовную семинарію и утвержденіи его, согласно избранію Совѣта, въ должности помощника бібліотекаря Академіи—внести въ формулярный о службѣ его списокъ.

V. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Нояб. 3. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 3 ноября за № 15026:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 8 Октября сего года № 389, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи объ утвержденіи инспектора Московской духовной академіи, и. д. ординарнаго профессора по каѳедрѣ педагогики, дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Александра Шостына* въ званіи заслуженнаго профессора академіи. Приказали: Согласно настоящему представленію Вашего Преосвященства и ходатайству Совѣта Московской духовной академіи, Святѣйшій Синодъ, на основаніи § 83 Уст. дух. акад., опредѣляетъ: утвердить инспектора Московской духовной академіи, и. д. ординарнаго профессора по каѳедрѣ педагогики, дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Александра Шостына* въ званіи заслуженнаго профессора академіи; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Объ утвержденіи Г. Инспектора Академіи—и. д. ординарнаго профессора по каѳедрѣ педагогики *А. Шостына* въ званіи заслуженнаго профессора Академіи внести въ послужной его списокъ.

VI. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Нояб. 22. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 19 ноября за № 16034:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: докладъ I отдѣленія Канцеляріи Святѣйшаго Синода слѣдующаго содержания: опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 2 августа 1911 года за № 5701, разрѣшено Совѣту Московской духовной академіи допустить въ текущемъ году къ приѣмнымъ испытаніямъ для поступленія въ академію болгарскаго подданнаго, студента Софійскаго университета *Стояна Петкова*, съ назначеніемъ ему, въ случаѣ выдержанія испытаній, стипендіи изъ Синодалныхъ средствъ, въ размѣрѣ 250 р. въ

годъ; по сообщенію Правленія Московской духовной академіи, отъ 3 Сентября сего года за № 447, Петковъ выдержалъ повѣрочныя испытанія удовлетворительно и зачисленъ Совѣтомъ въ составъ I курса академіи; въ виду сего и принимая во вниманіе, что окладъ содержанія казеннокоштныхъ студентовъ Московской духовной академіи положенъ въ размѣрѣ 220 р., Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ, въ отношеніи отъ 20 Октября № 32111, испрашиваетъ указанія, не представляется ли возможнымъ предоставить Петкову стипендію въ установленномъ размѣрѣ. Приказали: Выслушавъ настоящий докладъ I отдѣленія Синодальной Канцеляріи, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: назначить студенту I курса Московской духовной академіи Стояну Петкову, на содержаніе его въ академіи, стипендію изъ духовно-учебнаго капитала въ установленномъ размѣрѣ, т. е. въ суммѣ 220 руб., вмѣсто назначенной въ 250 руб., въ годъ; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода за № 16034 сообщить (и сообщенъ), для зависящихъ распоряженій, Правленію Академіи.

VII. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1911 г. Дек. 16. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 14 декабря за № 17210:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе по имѣющимся въ Святѣйшемъ Синодѣ свѣдѣніямъ, что въ засѣданіяхъ Совѣтовъ нѣкоторыхъ духовныхъ академіи, на основаніи § 90 Высочайше утв. 2 апрѣля 1910 г. Уст. дух. акад., принимаютъ участіе съ рѣшающимъ голосомъ нѣкоторые сверхштатные профессора, не читающіе лекцій въ академіи. Приказали: Принимая во вниманіе, что § 90 Высочайше утв. 2 апрѣля 1910 года Уст. дух. акад., на основаніи коего сверхштатные профессора Академіи, не читающіе лекцій, допущены были къ участію въ засѣданіяхъ Совѣтовъ съ рѣшающимъ голосомъ, нынѣ съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 26 Августа 1911 года, измѣненъ въ томъ смыслѣ, что участвовать въ засѣданіяхъ Совѣта академіи.

съ правомъ рѣшающаго голоса, могутъ только тѣ изъ сверхштатныхъ профессоровъ, которые продолжаютъ чтеніе лекцій въ академіи, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разъяснить Совѣтамъ духовныхъ академій, что съ измѣненіемъ § 90 Устава духовныхъ академій, Высочайше утвержденнымъ 26 августа 1911 г., всѣ сверхштатные профессора духовныхъ академій, уволенные за штатъ какъ послѣ означеннаго измѣненія академическаго Устава, такъ и до онаго, имѣютъ право участвовать въ засѣданіяхъ Совѣта академіи съ рѣшающимъ голосомъ только въ томъ случаѣ, если они читаютъ лекціи въ академіи; о чемъ послать Вашему Преосвященству указъ“.

Справка: Въ *Московской* Духовной Академіи г.г. сверхштатные профессора, не читающіе лекцій, съ начала текущаго 1911—1912 учебнаго года участія въ засѣданіяхъ академическаго Совѣта не принимаютъ.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и руководству.

VIII. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 19 октября, № 22: „1911 г. Нояб. 5. По ст. XXVI. Вольнослушателей Любимова и Петрова разрѣшается принять въ число студентовъ I-го курса Академіи. Прочее читано“.

б) 27 октября, № 23: „1911 г. Нояб. 5. Читано и утверждается“.

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

IX. Отношеніе, на имя Преосвященнаго Ректора, *Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода*, отъ 1 ноября 1911 года за № 3603:

„Въ нѣкоторыхъ періодическихъ духовныхъ изданіяхъ напечатаны объявленія отъ имени ректоровъ духовныхъ академій объ имѣющихся въ Академіяхъ свободныхъ профессорскихъ каѳедрахъ.

Принимая во вниманіе, что въ §§ 70—71 устава устава духовныхъ академій, опредѣляющихъ порядокъ замѣщенія про-

фессорскихъ кафедръ, нѣтъ указанія на конкурсъ при замѣщеніи сихъ кафедръ, а равно не имѣется основаній и для помѣщенія въ періодическихъ изданіяхъ объявленій о свободныхъ кафедрахъ, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь и Архипастырь, при замѣщеніи профессорскихъ кафедръ въ Академіи руководствоваться точнымъ смысломъ §§ 70—71 академическаго устава, опредѣляющихъ порядокъ замѣщенія профессорскихъ кафедръ въ духовныхъ Академіяхъ“.

Опредѣлили: Распоряженіе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода принять къ исполненію и руководству.

Ж. Вѣдомости И. д. Ректора Академіи—профессора А. П. Шостына и Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ г.г. наставниками Академіи лекціяхъ въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ минувшаго 1911 года, изъ которыхъ видно, что:

1) Въ *октябрѣ* мѣсяцѣ—а) *по служебнымъ обязанностямъ:* И. д. Ректора Академіи—профессоръ А. П. Шостынъ опустилъ 2 лекціи; б) *по болѣзни:* ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ и и. д. доцента священникъ Д. В. Рождественскій—по 5 лекцій, и. д. доцента А. М. Туберовскій—4 лекціи, экстраординарные профессора П. П. Соколовъ и И. В. Поповъ—по 3 лекціи, экстраординарный профессоръ А. П. Орловъ и и. д. доцента Ѳ. М. Россейкинъ—по 2 лекціи и и. д. доцента В. П. Виноградовъ—1 лекцію; в) *по семейнымъ обстоятельствамъ:* ординарный профессоръ А. А. Спасскій—3 лекціи; г) *въ виду спѣшной работы по разбору законопроекта, внесеннаго въ Государственный Совѣтъ:* и. д. доцента Н. Д. Кузнецовъ—3 лекціи.

2) Въ *ноябрѣ* мѣсяцѣ—а) *по служебной отлучкѣ вслѣдствіе командировки въ С-Петербургъ:* И. д. Ректора Академіи—профессоръ А. П. Шостынъ опустилъ 7 лекцій, и. д. доцента Н. Л. Туницкій—2 лекціи; б) *вслѣдствіе срочной работы по разбору законопроекта, внесеннаго въ Государственный Совѣтъ:* и. д. доцента Н. Д. Кузнецовъ—12 лекцій; в) *по болѣзни:* ординарный профессоръ А. И. Введенскій и и. д. доцента А. М. Туберовскій—по 5 лекцій, и. д. доцента священникъ В. Н. Страховъ—3 лекціи; г) *по домашнимъ обстоятельствамъ:* экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ—7 лекцій.

3) Въ декабрь мѣсяцѣ—а) по болѣзни: И. д. Ректора Академіи—заслуженный профессоръ А. П. Шостыгинъ опустилъ 7 лекцій, и. д. доцента Н. Л. Туницкій—4 лекціи, ординарный профессоръ А. А. Спасскій и и. д. доцента Н. Д. Кузнецовъ—по 3 лекціи и ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ—2 лекціи; б) по семейнымъ и домашнимъ обстоятельствамъ: и. д. доцента Н. Д. Кузнецовъ—6 лекцій, ординарный профессоръ А. А. Спасскій—3 лекціи, экстраординарные профессора М. М. Богословскій и Д. И. Введенскій—по 2 лекціи.

Опредѣлили: Вѣдомости внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

XI. Отзывы о сочиненіи профессора богословія въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ—*протоіерея Александра Клитина* подъ заглавіемъ: „Исторія религіи. Опытъ историко-богословскаго изслѣдованія. Томъ первый“. Одесса, 1910 г., представленномъ на соисканіе степени доктора богословія:

а) Ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ основнаго богословія *С. С. Глаголева*:

„Исторія религіи—наука новая. Раньше она входила съ одной стороны—въ этнографію и общую исторію, съ другой—въ Богословіе. Теперь ее постепенно выдѣляютъ и обособляютъ отъ другихъ вѣтвей знанія. Дѣлается это во имя различныхъ побужденій. Ученые, отрицающіе существованіе откровенной религіи, надѣются, что общее изученіе религіи подтвердитъ ихъ точку зрѣнія. Въ такомъ духѣ и направленіи издается въ Парижѣ *Revue de l'Hist. des Religions* и читаются курсы по исторіи религіи въ Коллежъ де-Франсъ и Сорбоннѣ. Ученые, исповѣдующіе положительную религію, думаютъ въ сравнительномъ изученіи религіи почерпнуть новые апологетическіе доводы въ защиту стараго тезиса, что человекъ по природѣ религіозенъ, что душа по природѣ христіанка. Во имя этой цѣли въ 1907 г. открыта кафедра по исторіи религіи въ парижскомъ католическомъ институтѣ.

И у насъ на Руси въ послѣдніе годы стали появляться книги по исторіи религіи. Это явленіе можно лишь привѣтствовать. Тотъ, кто твердо вѣритъ, что онъ исповѣдуетъ ре-

лигіозную истину, можетъ только радоваться изслѣдованію фактовъ, потому что добросовѣстное и тщательное изслѣдованіе всегда ведетъ къ истинѣ.

Поэтому и книга о. Клитина представляется намъ отраднымъ явленіемъ. Эта книга, содержащая въ себѣ 544+VI стр., обсуждаетъ общіе вопросы по исторіи религій и излагаетъ, по терминологіи автора, вѣрованія некультурныхъ племенъ и культурныхъ народовъ семитической группы: ассириававилонянъ, финикіянъ, сирійцевъ, хеттеевъ, арабовъ, египтянъ и евреевъ.

Книга даетъ много полезныхъ свѣдѣній, но новизна дѣла, сложность и трудность предмета естественно лишали автора возможности избѣжать промаховъ, ошибокъ и неполноты. Къ сожалѣнію, такихъ недостатковъ въ книгѣ о. Клитина много.

Совершенно неудовлетворительной у него является философія религій. Авторъ—человѣкъ строго православный, настолько православный, что онъ даже боязливо и не совсѣмъ увѣренно относится къ ветхозавѣтной религіи. Его точку зрѣнія въ этомъ отношеніи трудно выяснитъ, и рецензентъ подозрѣваетъ, что авторъ не выяснилъ ее и для самого себя.

Съ другой стороны, автора сбивали съ толку его свободомыслящіе помощники, трудами которыхъ онъ пользовался. Они не сбили его съ православной позиціи, но они заставили его высказать нѣсколько положеній, которымъ на самомъ дѣлѣ онъ, полагаю, не сочувствуетъ.

Послѣднимъ изъ его эпитафовъ стоятъ слова М. Мюллера: „Кто знаетъ одну только религію, тотъ не знаетъ ни одной“. Какой смыслъ придаетъ этимъ словамъ о. Клитинъ? Неужели Сергій Радонежскій или Серафимъ Саровскій не знали ни одной религіи, и о. Клитинъ возьметъ на себя смѣлость научать ихъ тому, что такое религія, въ чемъ ея сущность? Безъ сомнѣнія, можно знать все религіи и не знать религіи. Многіе современные историки религій, въ родѣ Соломона или Теодора Рейнаха,—живой примѣръ этому. О. Клитинъ, вѣрю, все это знаетъ. Онъ, можетъ быть, хотѣлъ сказать, что изученіе религій нужно для выясненія понятія религіи и ея элементовъ, но эпитафъ М. Мюллера говоритъ нѣчто несравненно большее.

Въ главѣ о классификаціи религіи о. Клитинъ разбираетъ теоріи, дѣлящія религіи на откровенныя и естественныя, истинныя и ложныя. Желательно было бы знать, кто такъ дѣлитъ въ настоящее время религіи? Богооткровенная религія, она же и истинная, можетъ быть только одна, и вѣрующій выдѣляетъ ее изъ цикла другихъ религіи. Это выдѣленіе не есть классификація. О. Клитинъ говоритъ, что истинныя религіи нельзя противопоставлять ложнымъ, потому что вездѣ перемишаны ложь и истина. Но тогда, по теоріи о. Клитина, нельзя вообще противопоставлять правду лжи, ибо никакая правда, конечно, не абсолютна, и нѣтъ лжи, которая не содержала бы въ себѣ правды. Повидимому, и астрономическая теорія Птолемея и астрономическая теорія Коперника, по взгляду о. Клитина, обѣ истинны.

О. Клитинъ принимаетъ расовую классификацію религіи и рассматриваетъ еврейскую религію, какъ одну изъ семитическихъ. Такая система изложенія не нова и не состоятельна. Религіи можно классифицировать, если только можно, по содержанію. Говоря о еврейской религіи, о. Клитинъ на самомъ дѣлѣ говоритъ о вѣроученіи Библии, но это вѣроученіе въ своемъ существѣ безусловно не похоже ни на халдейское, ни на египетское богословіе. Даже не стоя на вѣроисповѣдной почвѣ, должно признать, что еврейская религія въ ея библейской редакціи существенно отличается отъ религіи смежныхъ народовъ.

О. Клитинъ думаетъ, что онъ въ своей книгѣ излагаетъ религіи семитическихъ народовъ. На самомъ дѣлѣ вѣрно лишь то, что онъ излагаетъ религіи народовъ, хронологически жившихъ приблизительно въ одно время, а географически размѣщавшихся рядомъ. Приобщеніе хеттеевъ и египтянъ къ семитическимъ народностямъ, такъ легко совершонное о. Клитинымъ, болѣе смѣло, чѣмъ основательно.

Свою исторію религіи о. Клитинъ начинаетъ изложеніемъ религіи некультурныхъ народовъ. Здѣсь замѣчу: о. Клитинъ, слѣдуя Мензесу, пишетъ заглавіе своей книги: исторія религіи, а не религіи. Пусть такъ. Мы имѣемъ исторію философіи, исторію математики. Но эти слова мы уже и не склоняемъ по множественному числу, а у о. Клитина мы имѣемъ: религіи некультурныхъ народовъ, религіи культурныхъ и, въ концѣ концовъ, религіи+религіи+... у него даютъ рели-

тію. Руководственный примѣръ Мензиса только поставилъ его въ противорѣчіе съ самимъ собою. Не все оригинальное умно.

Начиная свою исторію съ религіи некультурныхъ народовъ, о. Клитинъ идетъ по обычному пути, но ему, какъ православному богослову, легче, чѣмъ другимъ, можно было увидѣть, что этимъ путемъ идти не слѣдуетъ. Исторія предполагаетъ собою изложеніе фактовъ въ хронологическомъ порядкѣ. Между тѣмъ онъ излагаетъ сначала вѣрованія современныхъ дикарей, вмѣстѣ съ ними вѣрованія мексиканцевъ и перуанцевъ, которыя существовали въ Америкѣ 500 лѣтъ назадъ, далѣе религіи Ассиро-вавилонянъ, здѣсь онъ отодвигаетъ насъ назадъ по его счету чуть ли не за 4500 лѣтъ до Р. Х., потомъ излагаетъ религію Египта и здѣсь уже говоритъ, опять руководясь своей хронологіей, что дѣло идетъ о событіяхъ чуть ли не 5-го тысячелѣтія до Р. Х. Что же о. Клитинъ двигается въ своей исторіи по образу безпозвоночнаго, именуемаго ракомъ? Нѣтъ; легко догадаться, что по его плану въ послѣдующихъ томахъ онъ долженъ говорить о религіяхъ болѣе близкихъ къ нашему времени. Онъ просто идетъ по шаблону, установившему, что современный дикарь отражаетъ въ себѣ первобытнаго человѣка. А такъ какъ религія первобытнаго человѣка неизвѣстна, то на ея мѣсто ставятъ религію современнаго дикаря. Такъ поступаютъ эволюціонисты, но у людей, не увѣренныхъ въ томъ, чтобы происхожденіе и развитіе человечества были такими, какими ихъ представляетъ Дарвинъ, не имѣется данныхъ о религіи первочеловѣчества.

Въ циклѣ некультурныхъ народовъ о. Клитинъ заключаетъ и перуанцевъ и мексиканцевъ, жившихъ въ XV в. по Р. Х. и имѣвшихъ на самомъ дѣлѣ довольно высокую культуру. А сирійцевъ и арабовъ, жившихъ за 1500 лѣтъ до Р. Х., онъ приобщаетъ къ народамъ культурнымъ. Но ихъ культура была значительно ниже до-колумбовской культуры средней и южной Америки.

Весьма возможно, что о. Клитинъ скажетъ, что онъ заглавіе для III-й главы взялъ изъ моей книги „Очерки по исторіи религіи. Религіи древнѣйшихъ культурныхъ народовъ“, гдѣ я говорю и о вѣрованіяхъ сирійцевъ и арабовъ, но я въ такомъ случаѣ предложу тому, кто выскажетъ это

недоумѣніе, прочитавъ 2 страницы изъ моей главы объ этихъ вѣрованіяхъ, гдѣ я объясняю, почему вѣрованія некультурныхъ или малокультурныхъ народовъ привлечены мною для выясненія религіи народовъ культурныхъ. Но дѣло не во мнѣ. Арабовъ, не только жившихъ за 1000 лѣтъ до Р. Х., но и жившихъ при Магометѣ, никто не считалъ культурнымъ народомъ. Дѣленія о. Клитина и его оцѣнка культурности не выдерживаютъ критики.

Глава о религіяхъ некультурныхъ народовъ написана о. Клитинимъ при полнѣйшемъ отсутствіи знакомства съ новѣйшими работами въ этой области. Онъ догматически повѣствуетъ намъ о томъ, что дѣлали и чѣмъ занимались жрицы-друидины, не зная, что самый фактъ ихъ существованія подвергнуть сомнѣнію Соломономъ Рейнахомъ. Не сообщаетъ о. Клитинъ и о почитаніи креста у кельтовъ. Объ этомъ онъ могъ бы узнать и изъ старой работы Мортилье—*Le signe de la Croix*. 1866. Но жаль, что онъ не воспользовался новымъ капитальнымъ трудомъ А. Бертрана—*La religion des Galois*.

Въ статьѣ о религіяхъ Америки о. Клитинъ не воспользовался капитальною книгою покойнаго А. Ревилля и работами Гарлеца, вслѣдствіе этого онъ не сообщаетъ ничего о религіозныхъ учрежденіяхъ Мексики и Перу, аналогичныхъ нашимъ монастырямъ. Онъ пишетъ въ данномъ случаѣ свое научное изслѣдованіе на основаніи популярной статьи, помѣщенной въ сборникъ Тимирязева—*Религіозныя вѣрованія*.

Объ африканскихъ и австралійскихъ племенахъ о. Клитинъ сообщаетъ свѣдѣнія на основаніи работъ, которыя имѣютъ значеніе лишь для исторіи этнографическихъ представленій. Ему совершенно неизвѣстенъ капитальный трудъ Балдуина Спенсера о вѣрованіяхъ австралійцевъ, онъ не знаетъ работъ протестантскихъ и католическихъ миссіонеровъ о вѣрованіяхъ африканскихъ племенъ. Онъ не знаетъ, что въ Австраліи и Африкѣ изслѣдователямъ пришлось столкнуться съ сложнымъ социальнымъ устройствомъ, съ существованіемъ тайныхъ союзовъ, религіозныхъ ассоціацій, своего рода съ *disciplina arcana*, съ сложными иногда аллегорическими и часто мистическими ученіями.

О. Клитинъ удѣляетъ мнѣ не мало вниманія, частію полемизируя со мною, частію помѣщая сообщенія изъ моихъ

книгъ и статей въ свое изслѣдованіе. Но онъ почему-то не воспользовался моими статьями „Кельтская религія“, „Аскетическая жизнь въ Америкѣ до Колумба“, „Мистеріи на берегахъ Конго“, „Религіозная философія негровъ вавилонян“, изъ которыхъ онъ могъ бы узнать о новыхъ открытіяхъ и работахъ по вопросамъ о религіи кельтовъ, доколумбійскихъ американцевъ и современныхъ дикарей.

Весь отдѣлъ о вѣрованіяхъ некультурныхъ народовъ долженъ быть подвергнутъ у о. Клитина радикальной переработкѣ.

При изложеніи религій культурныхъ народовъ о. Клитинъ вступаетъ на почву дѣйствительно историческую. При изложеніи исторіи требуются хронологическія даты. Не всегда ихъ легко установить, и часто приходится ставить цифры гипотетическія, допуская возможность ошибокъ въ ту и другую сторону на цѣлыя столѣтія. Но никогда не должно давать загадочной хронологіи; между тѣмъ о. Клитинъ предлагаетъ намъ такую.

О. Клитинъ сообщаетъ, что древность памятниковъ вавилонской письменности восходитъ почти до пятого тысячелѣтія до Р. Х. (243 стр.) Но потомъ по тексту LXX былъ за 3266 лѣтъ до Р. Х. Какъ согласить эти цифры: или вавилоняне занимались литературою до потопа или дата потопа, извлекаемая изъ Библии, ошибочна?

Точно также о. Клитинъ говоритъ, что древность законовъ Гаммураби относятъ обычно къ 2250 г. до Р. Х. (244 с.). Но Гаммураби обычно отождествляютъ съ библейскимъ Амрафеломъ и считаютъ современникомъ Авраама. Авраамъ, по Библии, жилъ позднѣе даты, указываемой о. Клитинымъ. Какъ согласить это? И какъ согласить о. Клитина съ самимъ собою, когда на 293 стр. онъ говоритъ, что Гаммураби жилъ за 1000 лѣтъ до Р. Х.?

Я выбираю такой библейскій текстъ, хронологія котораго наиболѣе подходитъ къ цифрамъ нашего автора. Но оказывается, всетаки не подходитъ. Весьма интересно, въ какое соотношеніе онъ ставитъ вавилонскія, египетскія (стр. 358—359) и библейскія даты?

Если хронологическія рамки, въ которыя заключаетъ о. Клитинъ исторію, являются неопредѣленными, то его историческія утвержденія нерѣдко оказываются голословными,

порою просто невѣрными. Приведу нѣсколько образчиковъ этого.

Вавилонъ для востока, говоритъ онъ, былъ тѣмъ же, чѣмъ Римъ для запада (243 стр.). На это нужно замѣтить, что обыкновенно въ этомъ отношеніи Вавилонъ сравниваютъ съ Элладою, а не съ Римомъ.

На 244 стр. авторъ пишетъ: „Условія жизни требовали весьма точныхъ измѣреній поверхности плоскостей“. Что это за поверхности плоскостей? Я бы совѣтовалъ автору поосторожнѣе обращаться съ понятіями геометріи и механики (онъ говоритъ и о параллелограммѣ силъ)—наукъ безусловно ему неизвѣстныхъ.

На 250 стр. авторъ пишетъ, что у китайцевъ находятъ мысль о Единомъ Богѣ. Но вѣдь находятъ нѣкоторые (укажу на Виктора Штрауса), а большинство не находятъ.

На 264 стр. о. Клитинъ пишетъ: „мнѣ о богинѣ Истаръ полны фантастическими рассказами о ея любовныхъ похожденияхъ и не имѣютъ научнаго интереса“. Что это такое, какимъ образомъ мнѣ можетъ быть лишень научнаго интереса? Такихъ мнѣовъ не существуетъ. Можетъ быть о. Клитинъ хотѣлъ сказать, что мнѣ объ Истаръ не имѣютъ интереса для историка религій? Ну, это смотря по тому, каковъ историкъ.

Очень легко обращается о. Клитинъ съ словомъ „несомнѣнно“. Такъ у него „египетская культура имѣла въ себѣ несомнѣнные слѣды широкаго вліянія вавилонской культуры“ (277). Но о. Клитинъ отлично знаетъ, что многіе сильно сомнѣваются въ томъ, чтобы вавилонская культура вліяла на египетскую. Откуда же въ такомъ случаѣ несомнѣнность?

На 283 стр. мы узнаемъ, что спасеніе отъ потопа Уть-Напистима было дѣломъ безцѣльнымъ, такъ какъ Уть-Напистимъ, его жена и дочь послѣ потопа немедленно были причислены къ небожителямъ. О. Клитинъ забываетъ, что Уть-Напистимъ спасъ на своемъ кораблѣ не только жену и дочь, но и родоначальниковъ всего послѣдующаго человѣчества.

На 292 стр. намъ сообщается, что Гаммураби не зналъ закона кровавой мести. Откуда о. Клитинъ знаетъ объ этомъ незнаніи? Кодексъ Гаммураби несомнѣнно не обнимаетъ всѣхъ законовъ страны, тѣмъ болѣе традицій и обычаевъ.

На 294 стр. оказывается, что Моисей *безъ сомнѣнія* зналъ всю вавилонскую литературу.

На 296 стр. о. Клитинъ хочетъ широко использовать *argumentum e silentio*. Въ кодексѣ Гаммураби не говорится о религіозныхъ обязанностяхъ гражданъ, отсюда онъ дѣлаетъ широкой выводъ, что Гаммураби былъ сторонникомъ свободы совѣсти. Но лучше взглянуть на дѣло проще. Кодексъ Гаммураби содержитъ сводъ постановленій по гражданскому, а не по религіозному праву. Если допустить, что все не регламентированное въ кодексѣ не было регламентировано въ государствѣ, то получимъ, что не были регламентированы праздники, требованія культа, обязанности жрецовъ. Но это— не такъ.

„Статья „религія хеттеевъ“ (329—333) представляетъ собою резюме моей статьи подъ тѣмъ же заглавіемъ. Авторъ не воспользовался новымъ и поучительнымъ трудомъ де-Кара—хеттеи или пелазги.

Языкъ египтянъ на 343 стр. о. Клитинъ относитъ къ группѣ семитическихъ языковъ. Эд. Навиля на той же страницѣ онъ называетъ французскимъ ученымъ. Навиль — швейцарскій ученый.

Можно указать и еще не мало промаховъ и сомнительныхъ мѣстъ въ книгѣ о. Клитина. Но сожалѣя, что они явились, и желая, чтобы по возможности они были исправлены въ послѣдующихъ изданіяхъ, должно установить, что достоинствами труда о. Клитина съ избыткомъ покрываются его недостатки. Если правильно оцѣнить то, что далъ о. Клитинъ положительнаго, то придется забыть объ отрицательныхъ сторонахъ его труда.

Прежде всего позволю обратить вниманіе на *обширность* его труда. Дѣло здѣсь не въ томъ, что его книга велика. Я полагаю, что ему еще легче было бы написать книгу больше, такъ какъ часто изъ обильнаго матеріала онъ извлекалъ немногое. Дѣло въ томъ, что предметъ его труда былъ очень широкъ, и авторъ, имѣя въ своемъ распоряженіи много монографій, имѣлъ очень мало курсовъ, которые могли бы послужить ему образцами для работы. И на западѣ имѣется очень мало книгъ, носящихъ заглавіе „Исторія религій“. Наиболѣе извѣстною и компетентною считается „Исторія религій“ Шантепи де-ля Соссэй, но эта исторія предста-

вляеть собою коллективный трудъ: она написана многими авторами. О. Клитинъ подъялъ на свои плечи трудъ многихъ.

Далѣе должно признать, что трудъ о. Клитина характеризуется самостоятельностью. Какъ православный богословъ, онъ не могъ идти на буксиръ у западныхъ изслѣдователей, трудами которыхъ пользовался. Но онъ рабски не пошелъ ни за кѣмъ и изъ православныхъ богослововъ. Видно, онъ внимательно слѣдитъ за русскою богословскою литературою. Онъ постарался выснить себѣ взгляды русскихъ ученыхъ, разобраться въ нихъ критически и установить свои собственные воззрѣнія. Мнѣ думается, что онъ полемизируетъ съ несуществующимъ мнѣніемъ, согласно которому въ ветхомъ завѣтѣ содержатся всѣ тѣ идеи, которыя имѣются въ новомъ. Но горячо обсуждая вопросъ объ евреяхъ и ветхомъ завѣтѣ, онъ своею книгою даетъ толчекъ къ новымъ изслѣдованіямъ и обсужденіямъ глубоко важной проблемы о взаимоотношеніи завѣтовъ.

Его трудъ соединяетъ въ себѣ два не часто совмѣщающіяся свойства. Его трудъ строго православенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ у него вездѣ обнаруживается совершенно объективное отношеніе къ отрицательнымъ ученіямъ. Онъ беретъ изъ нихъ то, что можно взять, и затѣмъ *sine ira et studio* опровергаетъ ихъ увлеченія и крайности или по крайней мѣрѣ показываетъ ихъ совершенно произвольный характеръ.

Трудъ о. Клитина отвѣчаетъ насущнымъ потребностямъ богословской науки въ Россіи. Исторія религій у насъ доселѣ находится въ пренебреженіи, ей отводится какой-то подозрительный уголокъ въ курсахъ апологетики, гдѣ естественныя религіи являются исключительно въ роли подсудимыхъ. Но прежде, чѣмъ осудить, нужно выслушать. Требуется возстановить и выяснить существовавшія религиозныя ученія. Тогда уже можно и должно будетъ разсуждать о томъ, что даютъ хорошаго эти религіи и чѣмъ онѣ не удовлетворяютъ человѣка. О. Клитинъ своею обширною монографіею много послужилъ этому дѣлу выясненія религиозныхъ чаяній народовъ.

Критикою уже была отмѣчена книга о. Клитина. О ней далъ лестный отзывъ профессоръ А. А. Бронзовъ (Церковныя Вѣдомости № 50, 1910), о ней очень одобрительно

отозвался Е. Е. Кагоровъ (Христіанское Чтеніе 1911, май—іюнь). Мнѣ пріятно присоединиться къ мнѣнію этихъ рецензентовъ.

Полагаю, что присужденіе автору степени доктора богословія будетъ законною наградой за его тяжелый и полезный трудъ“.

б) Экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ еврейскаго языка съ библейскою археологіей—*священника Е. А. Воронцова*:

„Книга о. Клитина открывается введеніемъ, гдѣ авторъ опредѣляетъ современное положеніе Богословской науки и ея общія задачи. Затѣмъ слѣдуетъ пропедевтическая глава о задачахъ исторіи религіи въ связи съ рѣшеніемъ вопросовъ о сущности и происхожденіи религіи, общихъ элементахъ религіи, о религіи первобытнаго человѣчества и о классификаціи религіи. Глава вторая посвящена о. Клитинымъ характеристикамъ религіи некультурныхъ народовъ, къ которымъ онъ относитъ кельтовъ, германцевъ, славянъ и многія племена въ Азіи, Африкѣ, Америкѣ и Австраліи. Глава третья занимается религіозными вѣрованіями культурныхъ народовъ, къ которымъ отнесены Ассиро-вавилоняне, финикіяне, сирійцы, хеттен, арабы, египтяне и евреи.

Рецензентъ считаетъ нужнымъ остановиться на послѣдней рубрикѣ въ трудѣ о. Клитина, какъ трактующей о Богооткровенной религіи ветхозавѣтнаго Израиля. Исторіку ветхозавѣтной религіи прежде всего важно знать общую и частную библейскую исагогику. Рецензентъ имѣетъ основаніе думать, что о. Клитинъ не потрудился вооружиться достаточными познаніями по исагогикѣ: нашъ авторъ слыхалъ, что есть масоретскій текстъ, и что на ряду съ нимъ имѣютъ текстуально-критическій авторитетъ древніе переводы съ еврейскаго, особенно греческій LXX, но ихъ взаимоотношеніе въ научномъ аппаратѣ библіологическаго изслѣдованія для него осталось невыясненнымъ. Сообщивъ, что еврейскій языкъ—среднее между арамейскимъ и арабскимъ, до чего не договаривался ни одинъ семитологъ, о. Клитинъ открываетъ читателю, что евреи писали финикійскимъ шрифтомъ, отъ правой руки къ лѣвой и только согласными буквами. Потому мазореты или массореты (очевидно о. Клитинъ не

представляет себѣ еврейскаго слова, гдѣ стоитъ самехъ) подставили точки и черточки, раздѣлили текстъ на главы (неожиданное сообщеніе для текстологін, потому что дѣленіе на главы подражательно вульгатѣ сдѣлано въ новыя времена въ интересахъ диспуцій съ христіанами), вообще его возстановили (вѣроятно, *установили*). Знаетъ ли писавшій, что къ финикійскому письму никогда никто черточекъ и точекъ не подставлялъ, и что всѣ Библейскіе памятники транскрибированы ассирійскимъ курсивомъ? Возбуждаетъ недоумѣніе и положеніе, занятое нашимъ авторомъ, относительно вставокъ въ священныя книги евреевъ, здѣсь рѣчь о молитвѣ Манассіи, указахъ Артаксеркса въ книгѣ Есфирь, т. н. посланіи Іереміи, пѣсни трехъ отроковъ, сказаній о Сусаннѣ, Вилѣ и змѣи въ книгѣ Даніила. Всѣ эти вставки въ греческомъ переводѣ Библии и считаются за интерполяцію именно потому, что соответственнаго текста нѣтъ въ еврейскомъ подлинникѣ. О какой же поврежденности еврейскаго подлинника могутъ говорить дополненія, явившіяся въ греческомъ переводѣ, съ допустимою только въ греческомъ оригиналѣ игрою въ параномазію, между тѣмъ рѣчь нашего автора въ контекстѣ такова, что можетъ вызывать у читателя безъ научно-библейской пропедевтики представленіе, что эти вставки именно въ еврейскомъ текстѣ нѣкоторыхъ рукописей, такъ какъ предваряется упоминаніемъ, что, не смотря на заботу о сохранности священнаго текста у евреевъ, въ него всетаки вкрадывались вставки. Говорить, что евреи заботились о сохраненіи внѣ интерполяцій греческаго перевода, можно только тому, кто не знаетъ преданія раввиновъ о наступленіи затменія въ Палестинѣ, когда этотъ переводъ явился. Далѣе рецензентъ совершенно недоумѣваетъ, почему о Клитинѣ выводитъ поврежденность Библейскаго текста изъ наличности нѣсколькихъ версій въ повѣствованіи объ извѣстныхъ событіяхъ (т. н. девтерографы), когда такія версіи стоятъ въ различныхъ книгахъ (напримѣръ, объ Езекии по указанію на него автора въ 4 Царствѣ (т. е. 2 Царей), 2 Паралипоменонѣ и въ книгѣ Исаіи) и притомъ одна другой не противорѣчатъ. Если и считать авторомъ 4 Царствъ не Іеремію, какъ склонна устанавливать традиція, но пророка Исаію, то и тогда 2 Паралипоменонѣ написана другимъ священнымъ писателемъ; что же доказывающаго поврежден-

ность священныхъ книгъ въ томъ, что въ книгахъ, различныхъ по времени происхожденія и авторамъ, событія излагаются съ новыми подробностями, безусловно никогда одна другую не исключаящими. О. Клитинъ пишетъ: „Конечно, исправленіе текста всякій разъ совершалось при общемъ просмотрѣ появившихся книгъ“, при чемъ подъ исправленіемъ разумѣеть порчу текста въ видѣ внесенія поправокъ (новшествъ) и дополненій „съ благою цѣлью возвеличить имя Бога Израилева и славу еврейскаго народа“, но подобное убійственное для исторіи Богодухновеннаго текста предположеніе о. Клитина, впрочемъ пытающагося установить въ Библии существенное и несущественное (стр. 459), къ счастью можетъ опереться только на авторское „конечно“. Исторіи тиккунъ соферимъ и иттуръ соферимъ писавшіи совсѣмъ не представляетъ, не знаетъ и исторіи т. н. чрезвычайной пунктуациі, хотя упоминаетъ о какой-то „высокой“ корректурѣ Ездры (стр. 487). Въ храмовый періодъ исправленіе велось по образцовымъ кодексамъ, которые поименованы талмудическою традиціею, это—Маонъ, Заатутъ и Ги; что было въ дософерической періодъ,—мы не знаемъ, но торошиться съ „конечно“ не слѣдуетъ. У писателей эллинистовъ, Филона и Флавія дѣйствительно замѣчается тенденція возвеличить еврейство, но она именно и опредѣлима изъ сличенія ихъ данныхъ съ библейскими. Простота библейскихъ описаній должна быть укоромъ тѣмъ, кто стремился бы показать, что Библия, какъ текстъ, стоитъ на пескѣ. Выводъ о порчѣ масоретскаго текста на основѣ его расхожденія съ LXX поспѣшенъ: для этого требовалось подробное освѣдомленіе съ методомъ экзегезиса въ древности, поскольку всякій переводъ зиждется на тѣхъ или другихъ герменевтическихъ приѣмахъ, а переводъ LXX по мѣстамъ безусловно имѣеть характеръ греческаго таргума автохтоннаго текста. Кстати нужно сказать, что съ таргумами о. Клитину не повезло: онъ ихъ насчитываетъ 8, хотя благоразумно поименовываетъ только 2 общеизвѣстныхъ: таргумъ Онкелоса на Пятокнижіе и таргумъ Ионаана на пророковъ; мы можемъ ему сообщить, что 8 таргумовъ не существуетъ, если даже принимать общ. редакціи Иерусалимскаго таргума за два отдѣльныхъ творенія и если причислить сюда же таргумообразный пешинто на всю Библию. Съ другой стороны о качествахъ источника, изъ

котораго почерпнуть свои свѣдѣнія о. Клитинъ, говоритъ его ближайшее замѣчаніе на той же страницѣ: въ то время (т. е. около христіанскаго времени) составленъ былъ талмудистами (значитъ талмудъ былъ по автору при земной жизни Господа, иначе какіе же талмудисты безъ наличности талмуда?) комментарий къ Библии или Гемора (у нашего автора курсивомъ вмѣсто общеизвѣстнаго гемара, или онъ камень, какъ въ жаргонѣ, читаетъ за о?) въ 2 редакціяхъ— Вавилонской и Иерусалимской. Здѣсь, что ни слово, то выдумка: гемара вовсе не комментарий къ Библии, а обширный комментарий къ мишнаѣ и тосефтѣ и если имѣеть отношеніе къ Библии, то самое отдаленное, мишны же не существовало въ раннія христіанскія времена, до ея кодификаціи Іудео Святыхъ, какъ именуеть этого учителя преданіе евреевъ, значить около времени образованія таргумовъ никакой гемары не могло быть, здѣсь нужно пройти цѣлую эпоху таннаимовъ, чтобы приблизиться къ датѣ дѣятельности, притомъ зарождающейся, у амореевъ и сабореевъ. На сомнительность предлагаемой хронологіи могло натолкнуть нашего автора и наименование одной изъ редакцій гемары Вавилонскою. Вавилонъ не игралъ никакой руководящей роли въ религіозно-интеллектуальной жизни еврейства во времена Христа Спасителя, ставъ умственнымъ центромъ именно въ эпоху т. н. экзилархата послѣ окончательной гибели очаговъ Палестинской учености, или нашъ авторъ наивно думалъ, что изученіемъ Библии (такъ по его даннымъ) занялись іудеи, оствѣпие и оставшіеся въ Месопотаміи послѣ реставраціи іудейства при Ездрѣ и Нееміи.

На 452 стр. у автора снова путаница: съ теченіемъ времени, пишетъ онъ, во всѣхъ рукописяхъ установился однообразный текстъ, первое печатное изданіе котораго было въ Сочино и т. д. Очевидно, дѣло идетъ объ еврейскомъ текстѣ, что подтверждается и упоминаніемъ такихъ изданій, какъ Бомбергова (раввиническая) Библия, но, по нашему автору, точный текстъ въ этихъ изданіяхъ устанавливался путемъ сличенія текста масоретовъ съ рукописями: является вопросъ, въ чемъ же содержался пресловутый текстъ масоретовъ?—Значитъ рукошени масоретскаго текста сличались съ какими-то другими рукописями. Что же это за рукописи?—Вполнѣ естественно ожиданіе, что нашъ авторъ повѣдуетъ

о домасоретскихъ автохтонныхъ рукописяхъ, но онъ говоритъ слѣдующее: самыхъ главныхъ рукописей или манускриптовъ (sic!) извѣстно 3—Александрійская, Ватиканская и Синайская, условнаго обозначенія послѣдней чрезъ еврейскую букву алефъ авторъ очевидно не понялъ, а потому ставитъ девизы только первыхъ двухъ рукописей— А. В., но вѣдь эти всѣ рукописи греческія униціальныя, и никогда никто не стремился ни въ одномъ изданіи еврейскаго текста достигнуть „наибольшей точности и правильности въ передачѣ текста древнихъ еврейскихъ книгъ“ (такъ у автора) чрезъ сличеніе съ переводомъ LXX, потому что это было бы выдумкою новаго еврейскаго текста, въ замѣну *textus receptus*. Знакомо ли, напримѣръ, автору отношеніе между еврейскимъ и греческимъ текстами въ книгѣ пророка Іереміи? Идейное примиреніе текстовъ всегда возможно, но вѣдь нашъ авторъ утверждаетъ нѣчто о текстологическомъ приѣмѣ. Вообще рецензенту неясно, представляетъ ли о. Клитинъ исторію ветхозавѣтнаго текста, хотя бы въ объемѣ учебныхъ исагогикъ? Тогда онъ и не игралъ бы словомъ „талмудъ“, какъ это дѣлаетъ теперь: „Послѣ разрушенія Іерусалима и храма въ 70 году по Р. Хр.“, пишетъ онъ, „евреи имѣли уже искаженный *талмудическими* толкованіями законъ, который они еще во время І. Хр. разносили по всему міру“. Какія *талмудическія* толкованія были въ эти почтенныя времена іудейской древности? Были отдѣльные афоризмы учителей закона, пусть даже превратно толковавшіе законъ, но развѣ это талмудъ, явившійся въ 6—7 вѣкѣ нашей эры? Но авторъ изобрѣтаетъ новыя данныя и относительно самихъ священныхъ писателей: напримѣръ, о Моисеѣ онъ говоритъ, что при написаніи Пятикнижія онъ пользовался пособіями (стр. 455), къ этому заявленію автора нужно приложить сказанное имъ изъ словъ Святителя Дмитрія Ростовскаго по адресу составителей апокрифическихъ сказаній: Да не будетъ ми лгати на святаго.

Изъ идейныхъ lapsus въ сочиненіи о. Клитина укажу на поверхностное отношеніе къ сложнымъ Библиологическимъ проблемамъ. Напримѣръ, авторъ пишетъ: ученіе о злыхъ духахъ проникаетъ собою всѣ книги ветхаго завѣта (стр. 501), въ ветхомъ завѣтѣ есть цѣлая *сатанологія*, какъ и ангелологія,—думается безмѣрно много сказано при 4, 5 мѣстахъ,

приведенныхъ *in extenso* изъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Да и вообще въ Писаніи Божіи откровенія, дающія мало основаній для всякихъ „логій“, но руководящія ко спасенію. Азazelъ авторомъ считается за наименованіе злого духа, но это совершенно ложно—азазель-пальцевая форма глагола, неопредѣленное наклоненіе, и въ соединеніи съ предлогомъ лямедь означаетъ „для изгнанія“ (полнаго, какъ форма интенсивная). Еврейское „шедимъ“ авторъ опредѣляетъ, какъ указаніе на „символы демоническихъ существъ“. Что это за игра въ слова? Что такое „символы демоническихъ существъ“?—Если это—идолы, то толкованіе невѣрно (стр. 501).

Авторъ вообще любитъ голословно утверждать, и вотъ образчики его выводовъ: Апостоль Павелъ говоритъ объ Енохѣ, что онъ не увидѣлъ смерти (Евр. 11, 5),—очевидно по автору такое пониманіе было у *всѣхъ* евреевъ. Говоря о вѣрѣ въ безсмертіе, авторъ касается вопроса о шеолѣ, гдѣ по его утвержденію души тоскливо бродятъ, не имѣя пристанища, ни интересовъ, ни дѣла,—вся эта аргументація вписана на ничего не говорящей цитатѣ изъ 87 псалма, и это при капитальныхъ изслѣдованіяхъ касательно проблемы безсмертія въ писаніяхъ ветхаго завѣта! *Vanitas vanitatum* можно сказать о подобныхъ сообщеніяхъ словами Екклезіаста, какъ ихъ почему то по-латыни цитируетъ самъ нашъ авторъ на стр. 503. Къ идейнымъ lapsus можно отнести и смѣшеніе нашимъ авторомъ антропопатизмовъ съ антропоморфизмами при рѣчи о Богѣ, тогда какъ первые носятъ въ Библии реалистическій колоритъ и отмѣчаютъ этапы въ движеніи богословской мысли, а вторые относятся просто къ фигуральному языку.

Изъ области библейско-археологическихъ познаній о Кли-тина отмѣчу его желаніе заниматься законодательствомъ Пятикнижія Моисея; однако онъ удовлетворяетъ свою любознательность упрощеннымъ способомъ, переписывая текстъ Пятикнижія на страницы своего сочиненія. Но и при такомъ методѣ изслѣдованія *idées fixes* не перестаютъ его преслѣдовать: „въ основу экономическаго благополучія Израиля Моисей положилъ земледѣліе, хотя въ исторіи народа скотоводство и *торговля* стояли на первомъ планѣ“ (стр. 513). Желательно было бы знать, о библейскихъ временахъ говорить

авторъ или еще о какихъ другихъ; если о первыхъ, то этого не было, но начавъ съ „вѣроятно“ рѣчь о совсѣмъ невѣрномъ, онъ повторяетъ чрезъ нѣсколько строкъ: евреи всегда болѣе высказывали склонности къ скотоводству (занятію Авеля) и къ торговлѣ,—никакихъ цитатъ и ссылокъ на Библию опять нѣтъ и быть не можетъ. Но авторъ не унимается: у евреевъ страсть къ торговлѣ (456), они торговлею жили, какъ религіею. Такой беспочвенный полетъ фантазіи для рецензента изумителенъ. Ужъ не думаетъ ли о. Клитинъ отъ жизни современнаго жидовства заключать объ евреяхъ Библии, сподоблявшихся принимать Божественныя откровенія? Знаетъ ли о. Клитинъ, что купецъ въ Библии называется словомъ *ханнаней*, т. е. язычникъ, и что слово „лавочникъ“—*καπηλος*—только у Сына Сирахова. Отрицательное сужденіе о торговлѣ въ книгѣ Притчей общезвѣстно.

Сторонникъ выводовъ „отъ вѣроятнаго“ о. Клитинъ въ отдѣлѣ о тѣараатъ (нужно цараатъ—проказа) сообщаетъ на подобіе Апіона время Іосифа Флавія такія данныя объ евреяхъ въ Египтѣ, косвенно симпатизируя баснѣ объ изгнаніи прокаженныхъ: евреи производили на египтянъ впечатлѣніе нечистоплотныхъ, болѣзненныхъ людей (стр. 515), или, вооружившись на нѣсколькихъ строкахъ медицинскими познаніями, вѣщаетъ о проказѣ зданій, что она зависѣла отъ перехода на камни бактеріи проказы (рѣчь о появленіи лишаевъ). Евреи ѣли все, живое и мертвое, потому что были алчны (ссылка на „гробы похотѣнія“), но гдѣ же въ соответственномъ мѣстѣ книги Числъ рѣчь объ яденіи мертвечины. Запретительная заповѣдь о „трефѣ“, неяденіи растерзаннаго звѣремъ въ полѣ подразумѣваетъ возможность, но ничего не говоритъ о наличности факта. Вообще вопросъ т. н. міарофагіи болѣе сложенъ, чѣмъ думаетъ о. Клитинъ, и имѣетъ цѣлую литературу. Знаетъ ли онъ, напримѣръ, что къ мертвечинѣ относилось всякое не ритуально зарѣзанное чистое животное, т. е. когда при шехитѣ не перерѣзывались оба симана, трахея и пищеводъ? Евреи были склоны, по нашему автору, и къ винопитію, при чемъ въ вино влагали пряности: доказательство—наличность виноградииковъ, а относительно пряностей данныхъ не сообщено никакихъ. По схемѣ аргументаціи автора человекъ, имѣющій много полей, долженъ быть обжорой, касательно же пряностей укажу,

что имѣется лишь нѣсколько мѣстъ въ книгѣ Притчей, на-
примѣръ 23, 30, а въ словахъ Лемуэля въ той же книгѣ
(31, 6) сказано, что осмирненное вино дается только скорб-
ному духомъ.

Ритуаль ветхозавѣтныхъ жертвоприношеній излагается
авторомъ, не смотря на его принципиальное значеніе при рѣчи
о „ветхозавѣтной религіи“, весьма схематично: напр. онъ пи-
шетъ: въ жертву приносилось крупное изъ овецъ и козь
(стр. 510). Что такое крупное!—Отборные экземпляры или
крупный рогатый скотъ, еврейское бакаръ, въ отличіе отъ
мелкаго рогатаго скота, еврейское цонъ. Конечно, нужно
второе, но по автору слѣдуетъ, что крупное—опредѣленіе къ
„овцы и козы“. Щедрый на выписки и самоизмышленный
комментарій въ мѣстахъ, совсѣмъ не идущихъ къ области
религіозной жизни, напр. при рѣчи объ еврейской робости
на войнѣ, о. Клитинъ о культѣ повѣствуетъ мало: были
жертвы кровавыя и безкровныя, ихъ взаимоотношеніе, т. н.
азкара, его не интересуетъ: кровавыя жертвы раздѣлялись
на всесожженіе, жертву за грѣхъ (жертву за вино) и жертву
мирную (нужно безъ перевода ставить шеляммъ, какъ вы-
раженіе техническое, не отъ шаломъ, но шелемъ), вотъ и
все. Символическій характеръ жертвоприношеній, ихъ раз-
дѣльные акты для него не существенны, хотя онъ пытается
опредѣлять у библейскихъ евреевъ какую-то Мессіанскую
жизнь (стр. 456), проще благочестіе. Касательно централи-
заціи культа напрасно думаетъ о. Клитинъ, что таковая не
установлена Моисеемъ: точно установить таковой было не-
возможно при странствованіи въ пустынѣ, когда шель и
храмъ, какъ *templum ambulatorium* словами бл. Августина, по
принципъ былъ данъ столь отчетливо, что все дальнѣйшее
было естественнымъ осуществленіемъ положенія закона при
переходѣ къ осѣдлой жизни и неподвижности святилища,
такъ явился Сіоцентризмъ въ культовой жизни (къ стр. 511).

Отъ пишущаго по вопросамъ ветхозавѣтной религіи есте-
ственно ожидать проявленія познаній по еврейскому языку.
Экзегетическаго изученія текстовъ у о. Клитина вообще не
встрѣчается, онъ предпочитаетъ давать на цѣлыхъ страни-
цахъ мозаичныя тирады изъ текстовъ русскаго перевода
Библии, однако и онъ не уберется отъ гебранстци. Имя Іе-
гова о. Клитинъ называетъ равнозначущимъ съ Адонай.

Рецензентъ долженъ сказать, что не только не равнозначуще, но даже нѣтъ ничего общаго. О. Клитинъ не понимаетъ кеге *perpetua*, въ словѣ *Іегова* только гласныя взяты отъ слова *Адонай*, а согласныя отъ слова *гайя-гайо* быть, а *Адонай* отъ основы *динъ—судить*. Чтеніе, принятое западными учеными, *Ягве* онъ считаетъ правильнымъ; въ цитируемомъ въ доказательство текстѣ *Ehejeh ascher Ehejeh* (я исправляю транскрипцію о. Клитина) ничего нѣтъ въ пользу чтенія *Ягве* (или *Ягье*, какъ у автора на стр. 483). Понимаетъ - ли о. Клитинъ, что *Ягье* гифильная деривація, означающая: приводящій въ бытіе, бытообразователь, а не *Сый*, *Сущій*, для чего нужно кальное чтеніе *Егье* (*Ehje*). Имя *Елогимъ* о. Клитинъ совершенно произвольно считаетъ за *pluralis necessitatis*, а не за *риббуи* *кохотъ—pluralis majestatis*, по его мнѣнію имя *Божіе* потому ставится во множественномъ числѣ, что *Богъ* являлся многократно и многообразно; здѣсь рецензентъ видитъ неудачную реминисценцію изъ посланія къ евреямъ, гдѣ дѣло идетъ о глаголаніи, а не о теофаніяхъ, разумѣется, докетическихъ. Еврейское *Цебаотъ*, по транскрипціи автора *Sabaoth* (на стр. 472 по-русски *Савваоѳъ*), считается за *имя* *Божіе*, нужно войско, собраніе, совокупность сотвореннаго, *Господь Цебаотъ—Богъ міра, космократоръ*. Безъ цитации о. Клитинъ утверждаетъ, что *Библия ветхаго завѣта* называетъ *Бога Вседержителя El olam*, не представляя, что этимъ констатируетъ находженіе у евреевъ библейскихъ временъ терминологическаго выраженія для понятія вѣчности, иное дѣло раввинистическое оляимъ, означающее *міры* (вѣки, міры, какъ существующіе во времени). Но особенно поразительно небрежное отношеніе къ транскрипціи еврейскихъ выраженій; авторъ читаетъ непронизосимый *iody adoleinu*, *benei*, читаетъ покоющуюся шеву *eleion* (498), *ebejon* (525), *maleachim* (500); иногда авторъ читаетъ конечный алефъ *baraа* (498), иногда не читаетъ *nabi* (522), по его типу выговора слѣдовало бы *nabia*. Транскрибируя русскими буквами, онъ то пишетъ *навіимъ*, то *невіимъ*. На стр. 483 онъ выписываетъ въ транскрипціи текстъ: *anochi Jehowa Eloheihā*, причемъ получался бы смыслъ: *Я—Господь, Богъ ѳя* (а не *твой*, какъ нужно), кафъ въ *анохи* онъ транскрибируетъ чрезъ *ch*, а ту же букву во флекціи слова *Елогимъ* чрезъ *h*, ясно, что о. Клитинъ выписалъ цитату, не пред-

ставляя себѣ еврейскаго текста. Презрѣніе къ правильной транскрипціи доходитъ до того, что одно и то же слово почти рядомъ о. Клитинъ транскрибируетъ различно, напр. *haelohim* и немного ниже *haelogim* (500). Знаковъ чтенія, напр. дагеша, онъ совсѣмъ не наблюдаетъ, такъ является чтеніе *wajizer* (497). Очевидно о. Клитинъ играетъ въ транскрипцію, приводя еврейскія слова *instar florum* въ рѣчи, или онъ былъ безпомощенъ, не зналъ еврейскаго текста внѣ транскрипціи. Этимъ я заканчиваю скорбный листъ недоумѣній, вызываемыхъ отдѣломъ объ еврейской ветхозавѣтной религіи, но въ книгѣ о. Клитина много отдѣловъ, написанныхъ съ знаніемъ дѣла и ученостью. Отдѣлу о Богооткровенной религіи какъ-то и не мѣсто на ряду съ трактатами о религіяхъ, изобрѣтенныхъ умомъ человѣка, а потому при отсутствіи его въ книгѣ о. Клитина она безусловно выигрывала бы въ безупречной научности. Въ виду сказаннаго я не нахожу препятствій къ тому, чтобы съ своей стороны признать профессора отца Клитина достойнымъ некоей степени“.

Справка: 1) По § 176—177 устава духовныхъ академій: „Лицо, имѣющее степень магистра богословія, удостоивается степени доктора богословескихъ наукъ по представленіи признаннаго соответствующимъ цѣли печатнаго сочиненія по одной изъ отраслей богословскаго вѣдѣнія, безъ новаго устного испытанія и безъ защиты сочиненія на коллоквиумѣ.—Получающіе отъ Академіи кандидатскую или магистерскую степень именуется кандидатами или магистрами богословія, удостоенные же докторской степени носятъ наименованіе или доктора богословія, или доктора церковной исторіи, или доктора церковнаго права, соответственно отличительному характеру ихъ ученыхъ трудовъ или представленной диссертациі.—2) Профессоръ—протоіерей А. Клитинъ степени магистра богословія удостоенъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи за представленное и удовлетворительно защищенное имъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Подлинность посланій Св. Апостола Павла къ Тимоѳею и Титу“, Кіевъ, 1888 г. и утверждень въ означенной степени указомъ Святѣйшаго Синода отъ 11 мая 1889 года за № 1688.—3) По § 110 лит. в п. 7 академическаго устава „удостоеніе степени... доктора богословескихъ наукъ“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Ака-

деміи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Св. Синода.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ,— просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи профессора богословія въ Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ— протоіерея *Александра Клитина* въ ученой степени доктора богословія.—2) Представитъ Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ—пятнадцать экземпляровъ диссертациі протоіерея Клитина и копій съ отзывовъ о ней ординарнаго профессора Академіи *С. С. Глаголева* и экстраординарнаго профессора—*священника Е. А. Воронцова*.

ХII. Отзывы о сочиненіи преподавателя Ставропольской духовной семинаріи, кандидата и профессорскаго стипендіата Московской Духовной Академіи выпуска 1906 года, *Николая Чернявскаго* подъ заглавіемъ: „Императоръ Θεодосій Великій и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи“, представленномъ (въ рукописи) на соисканіе степени магистра богословія:

а) Ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ исторіи древней церкви *А. А. Спасскаго*:

„Богатое содержаніе изслѣдованія Н. Чернявскаго (985 стр.) можетъ быть передано только въ общихъ чертахъ. Кратко описавъ всемірно-культурное и историческое значеніе эпохи Θεодосія и опредѣливъ то мѣсто, какое здѣсь занимаетъ личность императора (введеніе I—X), онъ переходитъ къ подробному изложенію его біографіи и государственно-политической дѣятельности, выразившейся главнымъ образомъ въ военныхъ предпріятіяхъ, и въ заключеніи отдѣла даетъ характеристику личности Θεодосія, какъ правителя и человѣка (стр. 1—203). Предложивъ во второй главѣ (204—239 стр.) обзоръ положенія религіи въ древне-римскомъ государствѣ и опредѣливъ значеніе этого фактора въ исторіи отношеній между церковью и государствомъ,—обзоръ, являющійся въ то же время необходимымъ введеніемъ ко всей церковно-религіозной дѣятельности Θεодосія, поскольку она основывается на традиціяхъ римскаго религіознаго права.

авторъ далѣе характеризуетъ религіозно-политическое міровоззрѣніе его и возсоздаетъ политическую программу его, которая и лежитъ въ основѣ дальнѣйшаго изслѣдованія Чернявскаго, обсуждающаго всю широкую и всеобъемлющую дѣятельность Θεодосія, направленную на упорядоченіе церковныхъ дѣлъ, при чемъ при разсмотрѣніи каждой стороны этой дѣятельности, смотря по различію объектовъ, на какіе она направляется, констатируются вызывающіе ихъ мотивы, излагается историческій ходъ ихъ и устанавливаются окончательные результаты. Отдѣлы, посвященные Θεодосію, какъ церковному дѣятелю, особенно богаты детальностью и всесторонностью содержанія. Глава 4 изучаетъ церковные соборы времени Θεодосія Великаго и опредѣляетъ ихъ значеніе въ религіозной политикѣ Θεодосія, которая затѣмъ и раскрывается въ очеркѣ церковнаго переустройства въ царствованіе Θεодосія и воздѣйствія на него со стороны Θεодосія (309—474). Характеристика нравственнаго состоянія общества эпохи Θεодосія даетъ поводъ войти въ подробный очеркъ дѣятельности Θεодосія въ области христіанизации общества (509—650).

Главное вниманіе автора поглощаетъ изученіе двухъ основныхъ фактовъ царствованія Θεодосія, заканчивающаго періодъ церковно-политическаго развитія церкви и ставящаго Θεодосія во главѣ новаго порядка вещей—это борьба его съ ересями (601—802) и язычествомъ (803—933). Не забыто наконецъ и законодательство Θεодосія касательно евреевъ (970—985). Церковно-политическую дѣятельность императора Θεодосія можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: а) со стороны того окончательнаго и всеобъемлющаго подчиненія церкви государству, начатаго Константиномъ и окончательно завершеннаго въ царствованіе Θεодосія, и б) съ точки зрѣнія тѣхъ государственныхъ нуждъ и церковныхъ потребностей, которыя путемъ исторической необходимости привели церковь и государство къ этому результату. Эти двѣ точки зрѣнія и господствуютъ въ сочиненіи Чернявскаго „Темныя свинцовыя тучи, зловѣщія грядущими тучами, носились надъ имперіей,—пишетъ Чернявскій,—когда Θεодосій объявленъ былъ императоромъ; полчища варваровъ раззоряли страну и толкали ее на путь экономическаго краха. Религіозныя партіи самыхъ разнообразныхъ фракцій раздѣляли государство

на мелкія части, лишая его внутренняго единства, столь важнаго для достиженія политической крѣпости. Уничтожить эту взаимную рознь церковь сама не могла, такъ какъ она не представляла собой тогда тѣсно сплоченнаго организма. Θεодосію предстояла задача спасать государство черезъ церковь и церковь чрезъ государство“ (256—343 стр.). Но въ рѣшеніи этой представшей ему трудной задачи онъ могъ слѣдовать только старымъ римскимъ образцамъ. Церковь не должна изображать въ себѣ никакого государства въ государствѣ. Идеаль языческаго понтифекса жилъ въ сознаніи и христіанскихъ императоровъ и манилъ ихъ своими полномочіями въ сферѣ религіозной, и Θεодосій всѣми силами своего ума и таланта стремился осуществить этотъ идеаль въ подчиненіи церкви государству и въ этомъ единеніи церкви и государства видѣлъ новую силу для укрѣпленія самаго государственнаго строя. Этотъ свой политически-религіозный планъ Θεодосій и осуществляетъ. Въ теоретически-догматической области онъ первый выступаетъ какъ послѣдній и высшій авторитетъ религіи. Уже въ первомъ своемъ эдиктѣ онъ предписываетъ всѣмъ народамъ вѣрить во единое божество Отца, Сына и Св. Духа при равномъ величій Св. Троицы и всѣхъ членовъ церкви раздѣляетъ на католическихъ христіанъ, слѣдующихъ православному ученію, всѣхъ же дерзкихъ и безумствующихъ еретиковъ присуждаетъ къ безчестію, — въ эдиктѣ во имя одного авторитета государя, внѣ всякаго собора и какихъ либо предварительныхъ обсужденій вопроса съ епископами, церковь поставлена на службу государству. Отсюда объясняются всѣ реформы, предпріятыя Θεодосіемъ въ области церковнаго управленія и отчасти въ сферѣ христіанизации общества: въ организованномъ государствѣ должна и церковь отвѣчать соотвѣтственнымъ прочнымъ строемъ и нравственной высотой, и такъ какъ это требуется въ цѣляхъ государственной пользы, то и заботы о церковныхъ дѣлахъ лежатъ на попеченіи государства.

Въ то же время идея прочности и цѣлостности государственной власти, поскольку она покоится на законно-упорядоченномъ союзѣ съ церковью, требуетъ и единства вѣры. Въ одномъ государствѣ, которое стремилось стать мѣстомъ неразрывнаго единства всѣхъ подданныхъ, не терпимы ника-

кія отступленія отъ узаконенной высшимъ правительствомъ вѣры: отсюда жестокія гоненія на еретиковъ и язычниковъ.

Такова общая концепція изслѣдованія Н. Чернявскаго.

Примѣняя научный критерій къ оцѣнкѣ изслѣдованія Н. Чернявскаго, послѣднее должно раздѣлится на два неравномѣрныхъ отдѣла. Въ однихъ отдѣлахъ онъ уже имѣлъ почву, подготовленную прежними учеными трудами, и ему оставалось только воспринимать результаты раннѣйшихъ изслѣдованій и примѣнять ихъ къ своимъ цѣлямъ. Сюда относится прежде всего цѣлый рядъ главъ, имѣющихъ отношеніе къ чисто политической исторіи его дѣятельности, точнѣе военной, такъ какъ главной задачей, съ какой призванъ былъ Θεодосій къ власти, оказались неотложныя нужды имперіи—необходимость защитить ея предѣлы отъ нападений съ сѣвера германскихъ варваровъ, съ юга африканской вольницы. Такъ какъ въ существующихъ на Западѣ изслѣдованіяхъ Θεодосій обрисовывается большею частію какъ даровитый политикъ и возстановитель единства римскаго, причемъ религіозная сторона его дѣятельности или совсѣмъ замалчивалась, или затрогивалась случайно, то естественно, что въ этой области внѣшней политики Θεодосія онъ не могъ внести ничего новаго. Лишь тѣ немногіе случаи, когда предшествовавшія ему въ этой области изслѣдованія не совпадали въ основныхъ выводахъ, они оставляли ему нѣкоторое мѣсто сказать свое слово. Но говорить ли онъ свое слово, или пользуется, онъ всегда повѣряетъ его первоисточникамъ (1—220). То же нужно сказать объ отдѣлѣ, обсуждающемъ соборы и церковное управленіе въ царствованіе Θεодосія (стр. 475). За то все остальные части работы Н. Чернявскаго, и притомъ изучающія главнѣйшія области церковно-политической дѣятельности Θεодосія—его борьбу съ ересями и язычествомъ—обработаны самостоятельно, благодаря прекрасному изученію кодекса Θεодосія, подведены подъ общую точку религіозно-государственной политики Θεодосія, получили свой историческій смыслъ и систематичность.

Отличительнымъ достоинствомъ разсматриваемаго сейчасъ труда Н. Чернявскаго является научность и критичность постановки дѣла. Всякое сужденіе, высказанное въ наукѣ, даже извѣстіе источника, вызывающее сомнѣнія и перетолкованія, онъ повѣряетъ по первоисточникамъ, и соглашается

съ ними не прежде, когда они подтверждены первоисточникомъ, и потому каждая фраза, высказываемая по тому или другому поводу, и каждый фактъ, упоминаемый имъ, подтверждаются соответствующими указаніями на историческіе документы. Ученая литература, существующая на Западѣ, вся прочтена и использована въ совершенствѣ, чему способствовало хорошее знаніе французскаго и нѣмецкаго языковъ, и пополнить его диссертацию изъ существующей на лицо ученой литературы невозможно. Въ этомъ отношеніи диссертация Чернявскаго стоитъ вполне на высотѣ научныхъ требованій.

Конечно, она не безъ недостатковъ. Важнѣйшимъ изъ нихъ рецензентъ считаетъ указанную несамостоятельность; высокопарный, періодическій языкъ, хотя и обладающій своею долей художественности, но по мѣстамъ скорѣе затемняющій смыслъ, чѣмъ разясняющій, и излишняя пространственность отдѣловъ, содержаніе которыхъ можно бы изложить короче,—обычные недочеты, встрѣчающіеся въ каждой диссертации.

Но всѣ эти недостатки диссертации Н. Чернявскаго покрываются ея достоинствами. Главная заслуга Чернявскаго передъ наукой состоитъ въ томъ, что въ то время, какъ всѣ существующія въ наукѣ ученныя работы касательно Θεодосія изслѣдовали одну сторону его дѣятельности, только въ изслѣдованіи Чернявскаго личность Θεодосія и его церковно-политическое творчество разсмотрѣны во всей совокупности и разнообразіи проявленій, въ великомъ и маломъ, во всѣхъ ея достоинствахъ и недостаткахъ, такъ что ни одинъ шагъ изъ его поведенія, личной жизни и правительственныхъ распоряженій не опущенъ изъ вниманія и получилъ свою оцѣнку.

Степени магистра богословія г. Чернявскій вполне заслуживаетъ*.

б) Ординарнаго профессора по кафедрѣ основнаго богословія *С. С. Глаголева*:

„Обширное сочиненіе г. Чернявскаго, заключающее X+985 страницъ приблизительно съ 1128 буквами на страницѣ, представляетъ собою полезный вкладъ въ церковно-историческую науку. Авторъ избралъ предметомъ своего изслѣдо-

ванія дѣятельность императора, внутренняя политика котораго вращалась главнымъ образомъ около интересовъ церкви и заботы котораго о благѣ церкви оказали сильное вліяніе на ея развитіе и жизнь. Сочиненіе г. Чернявскаго написано легко и читается съ большимъ интересомъ. Авторъ проявилъ способность разбираться въ различныхъ гипотезахъ и во многихъ случаяхъ умѣлъ ясно показать, почему должно отдавать предпочтеніе той или другой изъ нихъ.

Все это даетъ автору право на полученіе степени магистра богословія.

Но и недостатки сочиненія многочисленны. Многое, полагаю, авторъ можетъ и долженъ исправить при печатаніи.

Прежде всего автора губить фраза. Вытравить изъ его сочиненія всѣ гиперболы, превосходныя степени и сомнительно-поэтическіе обороты невозможно, но увлекаемый фразою онъ порою совсѣмъ забываетъ о смыслѣ. При печатаніи ему слѣдуетъ вспомнить о немъ. Укажу нѣсколько мѣстъ, гдѣ это необходимо сдѣлать.

10 стр. „Эдиктъ... услыхъ ряды... войскъ солдатами, которые съ нашествіемъ врага оставили свои обязанности, а примѣръ полководца, неотстававшаго отъ рядовыхъ солдатъ въ несеніи тягостей службы, воодушевилъ воиновъ“. Какой смыслъ соединяетъ г. Чернявскій съ словами „оставили свои обязанности?“

101 стр. „Онъ послалъ Андрагава въ Іонійскій заливъ, такъ какъ онъ слышалъ, что Θεодосій тоже хочетъ вести на морѣ“. Что хочетъ Θεодосій вести на морѣ? Можно предполагать: военныя операціи, но на обязанности г. Чернявскаго лежитъ освободить насъ отъ нужды прибѣгать въ данномъ случаѣ къ догадкамъ.

146 стр. „Со вступленіемъ Θεодосія В. на тронъ блеснулъ свѣтлый лучъ или, какъ выражается Дренаній Пакать, среди глубокой тьмы нестроеній и несчастій въ государственномъ положеніи востока“.

229 стр. „Не встрѣтивъ серьезной поддержки со стороны Церкви а, главное, на первыхъ порахъ, при установкѣ отношеній Церкви къ государству, послѣднему, повидимому, оставалось взвалить всю работу на свои плечи и придти къ такому или иному выводу по этому вопросу“.

240 стр. Отглавление 3-й главы: „Общій характер приверженности Феодосія къ шкефству“.

330. „Православная церковь вступала въ новый zenith своего историческаго существованія“.

476. „Для императоровъ сама собою возникала необходимость нивелировать церковный институт“.

535. „Эдиктомъ отъ 5 сент. 390 г. онъ приказываетъ монахамъ покинуть города и отправиться въ пустыни и вообще мѣста не столь отдаленныя“.

570. „Однимъ эдиктомъ Феодосіи запретилъ цѣлый классъ женщинъ, которыя занимались игрою на инструментахъ во время пира и спектаклей“.

591. „По закону мать (вдова) должна дать обѣщаніе не выходить вторично замужъ; однако если она сдѣлаетъ, то имущество второго мужа переходитъ къ пасынкамъ“.

652. „Вступленіе Феодосія В. на престолъ восточной имперіи—этотъ разсадникъ разнообразныхъ религіозныхъ ученій, санкціонированныхъ властію, какъ еретическія... было роковымъ“. Въ какомъ смыслѣ г. Чернявскій употребляетъ здѣсь слово „санкціонированныхъ“?

727. „Такъ Феодосіи перешелъ Рубиконъ всякой гуманности“.

771. „Въ чемъ же однако заключается причина той строгости къ Евноміанамъ, которую питалъ къ нимъ Феодосій?“ Можетъ быть г. Чернявскій хотѣлъ сказать: какую проявилъ?

825. „Плоды политики Константина, цѣль ея—сдавать язычество, пожалъ Констанцій, такъ какъ пришло время жатвы“. Можетъ быть у автора „сдавать“ написано вмѣсто „сдавить“, но если и такъ, понять вполне фразу нельзя. Какъ это можно „пожать цѣль“?

847. „Все, что только было намѣчено Констанціемъ, находилось еще въ проэкции, Феодосій В. ... пересадить на дѣйствительную почву. Повидимому геометрическое понятіе проэкции г. Чернявскій отождествляетъ съ словомъ „проектъ“.

883. „И который (Озроенскій храмъ) нельзя забывать, что Феодосій не рѣшился даже закрыть“.

Говоря языкомъ г. Чернявскаго, о немъ можно сказать, что въ приведенныхъ выраженіяхъ онъ перешелъ Рубиконъ здраваго смысла. Но полагаю, что причина этого—поспѣвш-

ность работы. Уничтожить или исправить всё эти несчастныя выраженія очень нетрудно и при томъ дѣло этого исправленія совершенно не затрагиваетъ сочиненія по существу.

Но у г. Чернявскаго есть многое, что желательно бы было видѣть исправленнымъ и что исправить не легко.

Въ своемъ введеніи г. Чернявскій даетъ нѣчто въ родѣ философіи исторіи (1—11 стр.). Автора какъ будто удивляетъ тотъ фактъ, что исторія наблюдаетъ смѣну „политическихъ, соціальныхъ формъ“ и т. д. Но вѣдь, если бы исторія не наблюдала смѣны, то не было бы и исторіи. Затѣмъ, нашъ авторъ утверждаетъ существованіе всеобщаго закона смерти для всего живого. Я не думаю, чтобы такой законъ былъ установленъ по отношенію къ народамъ. Евреи живутъ отъ дней Авраама и донинѣ. Время возникновенія Китая намъ неизвѣстно, но китайцы во всякомъ случаѣ далеки отъ вырожденія. Установивъ законъ смерти, г. Чернявскій далѣе устанавливаетъ законъ кризисовъ. Въ жизни народовъ бываютъ роковые моменты, когда старый укладъ жизни смѣняется новымъ. Пусть такъ! Но потомъ у г. Чернявскаго эти моменты „красною нитью проходятъ чрезъ исторію всѣхъ народовъ“. Этого я уже не понимаю. Выражаясь языкомъ математики, я скажу: кризисы, это—явленія прерывныя, протекующія чрезъ болѣе или менѣе продолжительные періоды: красная нить, какъ и всякая нить, есть нѣчто непрерывное. Если это такъ, то тогда нечего говорить о моментахъ кризиса, кризисъ оказывается постояннымъ фактомъ. Но оказывается, что „моменты кризиса проходятъ красною нитью, какъ вѣхи“. То—вѣхи, то—нить! Понять такую философію исторіи мудрено.

На IX стр. введенія авторъ пишетъ: „*Θεοδοσίη Β.*, принявъ на себя задачу создать въ государствѣ единую вѣру, какъ „добрый гвоздь скрѣпляющій римскую имперію“, христіанизировать общество, самъ, можно сказать, на своихъ плечахъ вынесъ тяжесть всей работы, какую едва ли способна была совершить христіанская церковь при наличности своихъ силъ, безъ конца терзаемая внутренними несогласіями“. Такъ у автора получается, что христіанская церковь не могла сдѣлать для христіанства того, что сдѣлала для него *Θεοδοσίη*. Оставляя въ сторонѣ своеобразный взглядъ г. Черняв-

скаго на безпомощность церкви, я замѣчу только, что изъ своего собственнаго сочиненія г. Чернявскій могъ бы узнать, что Θεодосій былъ сыномъ, слугою и орудиёмъ церкви.

На 26 стр. у г. Чернявскаго читаемъ: „бывая въ городѣ Θεодосій становился всегда и во всемъ на сторону бѣднаго и измученнаго въ борьбѣ за существованіе пролетаріата“. Не говоря о томъ, что нельзя всегда и во всемъ становиться и на сторону измученныхъ людей, потому что и они не всегда бываютъ правы, я желалъ бы знать, что г. Чернявскій понимаетъ подъ словомъ „пролетаріатъ“. Вѣдь, пролетаріевъ въ современномъ смыслѣ слова въ IV вѣкѣ не было.

На 27 стр. авторъ пишетъ: „въ то время, какъ Θεодосій наслаждался идилліею провинціальной жизни, далекой отъ всякихъ дразгъ и интригъ“... Откуда авторъ знаетъ, что жизнь Θεодосія, находившагося, надо замѣтить, въ опалѣ, текла идиллически? На предыдущей страницѣ г. Чернявскій говоритъ, что Θεодосій боролся за права пролетаріата. Борьба и идиллія—двѣ вещи разныя. Наконецъ, собственный житейскій опытъ долженъ бы былъ выяснитъ г. Чернявскому, что провинціи вовсе не такія области, гдѣ нѣтъ дразгъ и интригъ.

На 106 стр. г. Чернявскій говоритъ о штрафахъ. Онъ возвращается потомъ къ рѣчи о штрафахъ на 527, 546, 916, 919, 920, 937 страницахъ. Штрафы г. Чернявскаго фантастичны. Помощники провинціальныхъ чиновниковъ за вымогательство уплачивали штрафъ 30 фунт. золота. Кто совершалъ языческія жертвоприношенія, долженъ былъ уплатить 15 фунтовъ золота. А чиновники консульскаго достоинства, по нерадѣнію допустившіе подобныя жертвоприношенія, уплачивали въ шесть разъ больше, т. е. 90 фунтовъ. Если бы г. Чернявскій потрудился перевести эти цифры на русскія цѣны, какъ Гиббонъ перевелъ ихъ на англійскія, онъ получилъ бы слѣдующее. Фунтъ золота на наши деньги стоитъ 500 рублей; слѣдовательно, маленькій чиновникъ за вымогательство долженъ былъ платить штрафъ въ 15 тысячъ рублей; совершившій языческое жертвоприношеніе, долженъ былъ заплатить штрафъ 7500 р. Попустившій это жертвоприношеніе чиновникъ консульскаго достоинства уплачивалъ 45 тысячъ рублей. Не слишкомъ ли это много даже для нашего времени, когда деньги стали несравненно дешевле,

чѣмъ въ IV вѣкѣ? Правда, если бы г. Чернявскій захотѣлъ опредѣлять взаимоотношеніе цѣнъ серебра и золота, то онъ бы нашелъ, что теперь золото почти въ 40 разъ дороже серебра, а въ IV в. оно считалось въ 10, 15, самое большее въ 21 разъ дороже серебра, но причина этого не та, что золото тогда было дешевле, а та, что серебро, теперь быстро падающее въ цѣнѣ, тогда было несравненно дороже.

На 174 стр. читаемъ: „въ качествѣ же одной изъ мѣръ поднятія народнаго благосостоянія слѣдуетъ отнести прибавку 125 мѣръ хлѣба для раздачи бѣднымъ жителямъ Константинополя“. Интересно, въ какомъ курсѣ политической экономіи г. Чернявскій могъ найти, что раздача милостыни можетъ способствовать поднятію народнаго благосостоянія?

На 232 стр. г. Чернявскій пишетъ: „этотъ моментъ, когда абсолютная государственная власть признала себя въ правѣ войти въ сферу религіи, въ сущности недоступную вѣдѣнію ея бдительнаго ока, былъ роковымъ для церкви“... Г. Чернявскій разумѣетъ здѣсь признаніе Константиномъ христіанства государственной религіей (231 стр.). Въ сущности такого признанія Константиномъ допущено не было, а тезисъ г. Чернявскаго, что дѣятельность Константина была роковою для церкви, отчасти опровергается и имъ самимъ, потому что на 233 стр. онъ пишетъ, что Константинъ „вывелъ христіанство изъ мрака душныхъ подземелій на свѣжій воздухъ, развязалъ церкви крылья въ дѣлѣ достиженія ея собственнаго назначенія“, а главное—этотъ тезисъ и понять нельзя. Развѣ Константинъ погубилъ или могъ погубить Церковь?

На 241 стр. г. Чернявскій утверждаетъ, что религіозныя разногласія—главное препятствіе для насажденія внутренняго мира въ имперіи. Вѣрно ли это? Въ Англіи теперь насчитываютъ чуть ли не 200 различныхъ сектъ, но это религіозное разномысліе не колеблетъ могущества соединеннаго королевства. Не мало сектъ и въ Соединенныхъ штатахъ, но это не сказывается особымъ вредомъ на ихъ государственной жизни. Г. Чернявскій, изучая религіозныя движенія, не хочетъ видѣть, что они всегда въ нѣкоторой мѣрѣ имѣютъ не религіозную подкладку.

На 248 стр. г. Чернявскій голословно обвиняетъ историковъ никейскаго образа мыслей въ тенденціозности.

На 292 стр. авторомъ допущены выраженія, изъ которыхъ выходитъ, что Александрія была на западѣ по отношенію къ Константинополю.

На 588 стр. г. Чернявскій говоритъ о практикѣ, которая существовала со временъ Ромула... Но вѣдь, Ромуль, сынъ бога Марса, въ значительной мѣрѣ лицо миенческое и обращаться къ обычаямъ его времени г. Чернявскому не было нужды.

На 722 стр. читаемъ: „Феодосій изобрѣлъ одну мѣру, по-видимому, незначительную, за которую впослѣдствіи съ радостію ухватились іезуиты и при помощи которой создали эпоху ужаснаго клерикальнаго террора. Разумѣемъ инквизицію“. Г. Чернявскій—человѣкъ съ богатымъ воображеніемъ, но ему не мѣшало бы быть поближе знакомымъ и съ фактами и знать, что іезуитскій орденъ возникъ тогда, когда инквизиція съ ея ужасною системою пытокъ почти уже оканчивала свое существованіе.

На 783—784 стр. мы встрѣчаемся съ очень страннымъ разсужденіемъ. Феодосій каралъ еретиковъ штравами. Отсюда г. Чернявскій дѣлаетъ выводъ, „что нужда въ деньгахъ у Феодосія была очень сильна, если онъ не боялся во имя денегъ пожертвовать будущимъ блаженствомъ своихъ подданныхъ“. Трудно понять, какъ нашъ авторъ могъ придти къ такому выводу. Если бы Феодосій старался удержать еретиковъ въ ереси или даже старался, чтобы умножалось ихъ число, имѣя въ виду получать съ нихъ штрафы, тогда конечно во имя денегъ онъ жертвовалъ бы блаженствомъ своихъ подданныхъ. Но система штрафовъ и по своей идее и по намѣреніямъ Феодосія, какъ видно изъ всей его дѣятельности, имѣла цѣлію отвратить отъ преступленія, т. е. отвратить отъ ереси, т. е. имѣла въ виду заботу о спасеніи своихъ подданныхъ. Цѣлесообразна или нецѣлесообразна эта мѣра, это—другой вопросъ, но смыслъ ея очень понятенъ и совершенно противоположенъ тому, который хочетъ видѣть въ ней г. Чернявскій.

На 829 стр. мы находимъ странное восхваленіе двухсмысленной терпимости Юліана по отношенію къ христіанамъ. тѣмъ болѣе странное, что на 830 стр. нашъ авторъ говоритъ о несправедливостяхъ, „которыя нѣкогда допустилъ Юліанъ къ христіанамъ“.

На 849, 855, 876 мы встречаемся у нашего автора съ разсужденіемъ о клерикальной партіи. Что разумѣть авторъ подъ нею? Мы подъ клерикальною партіею разумѣемъ политическую партію въ парламентахъ, имѣющую своей задачей усиленіе значенія и власти католической церкви. Но г. Чернявскій съ легкимъ сердцемъ отыскиваетъ пролетаріевъ и клерикаловъ въ IV вѣкѣ и тоскуеть о тогдашнемъ торжествѣ бюрократизма.

На 871 стр. г. Чернявскій говоритъ о Ливаніи, что онъ „съ наивною неосторожностью“ сообщилъ Θεодосію, что запрещенныя жертвоприношенія совершались. Я думаю, что въ сообщеніи Ливанія не было ни наивности, ни неосторожности. Только неумные люди отрицають факты вопреки очевидности. Θεодосій безъ Ливанія отлично зналъ, что жертвоприношенія совершаются. Отрицать фактъ было невозможно: нужно было по возможности смягчить его значеніе. Это и сдѣлалъ Ливаній.

На 910 стр. нашъ авторъ говоритъ объ апологіи Ливанія, что въ общемъ она представляла обычный характеръ апологіи, нѣкогда представлявшихся христіанами язычникамъ. Правда, пункты сходные есть. Послѣдователи гонимыхъ религій всегда говорили, что въ религіи не должно принуждать, а убѣждать. Но на этомъ и кончается сходство апологіи Ливанія съ христіанскими. Его разсужденія объ историческомъ значеніи греко-римской религіи и объ эстетическомъ значеніи храмовъ не имѣють себѣ аналогіи въ трактатахъ христіанскихъ апологетовъ.

Г. Чернявскому въ его изслѣдованіи много приходится останавливаться на борьбѣ Θεодосія съ римскимъ язычествомъ. Выясненіе этой борьбы требуетъ знанія римской религіи. Г. Чернявскій полагаетъ, что онъ хорошо освѣдомленъ относительно ея; настолько хорошо, что онъ многое и въ дѣятельности Θεодосія объясняетъ языческою наслѣдственностью. Но на самомъ дѣлѣ г. Чернявскій мало освѣдомленъ въ исторіи религій вообще и въ римской религіи въ частности, и его малая освѣдомленность не могла не отразиться вреднымъ образомъ на его сочиненіи.

Странными представляются уже источники, изъ которыхъ г. Чернявскій черпалъ свои познанія о римской религіи. Это — сочиненія церковныхъ историковъ и канонистовъ.

Правда, кромѣ нихъ онъ цитируетъ еще Буассье и Бенью, но и ихъ сочиненія не представляютъ собою трактатовъ о римской религіи *in pleno*, да они, кажется, были гораздо меньше его руководителями, чѣмъ книги по церковному праву.

Г. Чернявскій представляетъ, что пока римское государство было языческимъ, оно было однороднымъ по общему духу религіознаго міросозерцанія (205). Это — конечно не вѣрно. Культъ Митры, мистическое истолкованіе религіи Амона, мистеріи Изиды, религія Сераписа, официальные культы Рима, оргіастическіе культы, все это — очень различныя и совершенно неоднородныя явленія.

Г. Чернявскій на 207 страницѣ заявляетъ, что „римляне были политеистами и даже въ большей степени, чѣмъ какой-либо другой народъ древности“. Это „даже въ большей степени“ показываетъ, что авторъ предполагаетъ въ себѣ знаніе другихъ религій. Для меня очень интересно, почему онъ считаетъ римлянъ болѣе политеистами, чѣмъ египтянъ, вавилонянъ, грековъ. Особенно заинтриговываетъ меня авторъ потому, что на 208 стр. онъ пишетъ: „до вліянія греческаго антропоморфизма римляне не признавали за своими богами индивидуальнаго существованія, а считали ихъ просто проявленіями единой божественной сущности и представляли ихъ себѣ подъ видомъ какихъ-то тѣней безтѣлесныхъ и бездушныхъ, называемыхъ общимъ именемъ *numina*“. Если это такъ, то значитъ политеизмъ навязанъ римлянамъ греками. А вѣрнѣе всего это значитъ, что г. Чернявскій не имѣетъ яснаго представленія о римской религіи. Я скажу ему: во 1) нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что римляне были болѣе политеистами, чѣмъ другіе народы древности; во 2) *Numina* у римлянъ были, но еще до греческаго вліянія у нихъ были индивидуальныя боги съ человѣкообразными чертами. Назову Либеру, Либеру, Сильвана, Сатурна и его сузругу Опсъ, Квирину, Януса.

Греки видоизмѣнили образъ римскихъ боговъ и дали римлянамъ мѣтѣлогию, но боги у римлянъ были и до грековъ.

На 892 стр. г. Чернявскій сообщаетъ, что „родиною культа Сераписа былъ не Египетъ. Первый изъ Птолемеевъ перенесъ его изъ Понта въ Александрію“. Г. Чернявскій кое-что смѣшиваетъ. Сераписъ — египетское имя = Озирисъ — Аписъ. Посвященія Серапису, упоминашіе его имени на надгробныхъ

надписяхъ восходятъ еще къ VI и VII в. до Р. Хр., т. е. существуютъ задолго до Птолемея I. Статуя Сераписа (Синопскаго Плутона) имѣеть греческое происхожденіе. Древне-египетская религія не знаетъ такого изображенія, какъ изображеніе Сераписа, но культъ Сераписа—египетскій.

Г. Чернявскій, цитируя Гиббона, утверждаетъ, что александрійская бібліотека Серапеума была частію расхищена, частію сожжена христіанами (897 стр.). Но увѣренъ ли въ этомъ г. Чернявскій? Не сгорѣла ли эта бібліотека во время александрійской войны съ Цезаремъ? Конечно, разсуждая отвлеченно, легко допустить, что чернь могла и сжечь, и разграбить книги Серапеума, но я не могу не отмѣтить странной черты въ сочиненіи г. Чернявскаго, что онъ склоненъ безъ достаточныхъ основаній обвинять христіанъ, христіанскихъ монаховъ, членовъ клира. Получается такое впечатлѣніе, что христіанамъ не найдти у г. Чернявскаго праваго суда.

Г. Чернявскій обвиняетъ Θεодосія въ стремленіяхъ къ цезарепанизму и видитъ въ этомъ вліяніе языческаго Рима, въ которомъ императоръ былъ вмѣстѣ и pontifex maximus, т. е. глава государства былъ вмѣстѣ и главою національной религіи. Г. Чернявскій повидимому имѣеть смутныя представленія о римскомъ pontifikatѣ. Въ яическомъ порядкѣ древняго Рима pontifex maximus по чести занималъ пятое мѣсто, выше его были rex sacrorum и три фламينا—dialis, martialis и quirinalis. Онъ имѣлъ власть и надъ ними, но онъ имѣлъ власть надъ лицами, а не надъ законами и постановленіями религіи, въ области религіи онъ долженъ былъ охранять традиціи, правилъ онъ не единовластно, а съ коллегією и его власть не простиралась на автономныя жреческія коллегіи. Императоръ Августъ принялъ титулъ pontifекса maxim'a, но не принялъ его обязанностей. Да, pontifikатъ въ императорскую эпоху игралъ неважную роль. Римъ былъ наводненъ иноземными культами. Такъ какъ титулъ Р. М. не возлагалъ обязанностей, то для христіанскихъ императоровъ отъ Константина до Граціана не было затрудненій его носить. А г. Чернявскій изъ пустого звука хочетъ намъ объяснить религіозную политику христіанскихъ императоровъ.

Не смотря на большой объемъ сочиненія г. Чернявскаго,

въ немъ нельзя найти живого и понятнаго образа Θεодосія. Правда, г. Чернявскій характеризуетъ его, но при этомъ онъ сообщаетъ факты совершенно неподходящіе подъ эту характеристику. Онъ представляетъ Θεодосія человѣкомъ необыкновенной адренгін и затѣмъ оказывается, что Θεодосій предавался необузданной лѣни. Г. Чернявскій изображаетъ Θεодосія спартацемъ, крайне умѣреннымъ въ своихъ потребностяхъ, почти аскетомъ, но уже бракъ его немолодого и вскорѣ послѣ смерти Тласиллы съ юной Галлою заставляеть нѣсколько подозрительно относиться къ его аскетизму, а затѣмъ изъ сочиненія г. Чернявскаго мы узнаемъ, что Θεодосій любилъ празднества, пиршества и вино. Г. Чернявскій называетъ Θεодосія дальновиднымъ политикомъ и талантливымъ полководцемъ и затѣмъ сообщаетъ, что Θεодосій съ удивительною недалковидностью наполнилъ свои войска варварскими шпионами. Г. Чернявскій настаиваетъ, что Θεодосій стремился къ цезарепапизму и затѣмъ изъ сочиненія г. Чернявскаго мы узнаемъ, что Θεодосій выполнялъ все то, что было въ интересахъ православной церкви и соответствовало желаніямъ ея іерарховъ и что Θεодосій смиренно выполнялъ эпитимію, наложенную на него Амвросіемъ.

Я, впрочемъ, не ставлю въ вину г. Чернявскому отсутствіе въ его сочиненіи живого и понятнаго образа Θεодосія. Жизненные и историческіе образы, которые даетъ Тэнъ и нѣкоторые другіе историки, мнѣ всегда представляются подозрительными. Они болѣе правдоподобны и менѣе противорѣчивы, чѣмъ дѣйствительность. Я ставлю г. Чернявскому, въ вину только то, что, приписавъ Θεодосію стремленіе къ цезарепапизму, онъ не привелъ ни одного факта, подтверждающаго дѣйствительность этого стремленія. Не видно, чтобы Θεодосій пользовался церковью въ интересахъ государства, но видна постоянная готовность Θεодосія употребить государственную силу на благо церкви, какъ онъ его понимаетъ. Онъ преклонялся предъ властію церкви въ ея сферахъ и его смиренное покаяніе въ Милапѣ совѣмъ, вѣдь, не то, что притворное раскаяніе Генриха въ Каносѣ.

Обвиняя Θεодосія въ стремленіяхъ къ цезарепапизму, г. Чернявскій обвиняетъ его еще въ томъ, что въ отношеніяхъ къ еретикамъ и язычникамъ онъ „перешель Рубиконъ всякой гуманности“. Г. Чернявскій повидимому желаетъ, чтобы

Θεодосίη походили на индійскаго Асоку, о которомъ надписи говорятъ: „царь, любимый богами, даруетъ свободу всѣмъ сектамъ“. Но на самомъ дѣлѣ, что было возможно для Асоки, что представляется возможнымъ суфіямъ и масонамъ, то было невозможно для Θεодосія. Если человекъ вѣрить, что онъ пребываетъ въ религіозной истинѣ, онъ считаетъ своею обязанностью приводить къ ней другихъ. Если извѣстныя вѣрованія кому-либо представляются заблужденіями, онъ считаетъ своею обязанностію ихъ искоренить. Если г. Чернявскій думаетъ, что атеистическія правительства Португаліи или Франціи спокойно терпятъ существованіе католицизма, то онъ ошибается. То, что мы считаемъ заблужденіями, мы обязаны искоренять, и то, что мы считаемъ истиною, мы должны распространять. Вопросъ заключается только въ томъ, какія средства наиболѣе цѣлесообразны для этихъ цѣлей? На этотъ вопросъ отвѣтить не легко.

Г. Чернявскій, оцѣнивая дѣятельность Θεодосія, говоритъ: „Церковь трудами Θεодосія В. была поставлена на новыя рельсы“ (X). На самомъ дѣлѣ Θεодосіи не могъ этого сдѣлать, не пытался это дѣлать, да и рельсовъ въ IV в. не было. Только напрасно г. Чернявскій, ставя прилагательное при рельсахъ въ женскомъ родѣ, ставитъ на новыя рельсы русскую грамматику. Такихъ и подобныхъ ошибокъ, порою вѣроятно описокъ, въ его сочиненіи много.

Но отмѣчать недостатки и сомнительныя мѣста въ сочиненіи большого объема и написанномъ начинающимъ ученымъ, конечно, не можетъ быть затруднительнымъ. Я долженъ сказать теперь, что эти недостатки покрываются достоинствами сочиненія г. Чернявскаго. Сочиненіе его характеризуется стремленіемъ по возможности полно обнять предметъ изслѣдованія. Онъ старался ознакомиться со всѣмъ матеріаломъ, который могъ бы служить для выясненія личности и дѣятельности Θεодосія. Точно также онъ старался выяснитъ себѣ образы церковныхъ дѣятелей, съ которыми имѣлъ дѣло Θεодосіи. Наконецъ, онъ старался тщательно проанализировать каждый эдиктъ, каждый канонъ и вѣроопредѣленіе, вышедшіе при Θεодосіи, онъ выяснялъ ихъ и по возможности устанавливалъ генезисъ, нерѣдко восходя отъ Θεодосія до Константина.

Г. Чернявскій много поработалъ. Сочиненіе его нуждается въ исправленіи, но степени магистра его авторъ заслуживаетъ“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академіи § 175: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквиумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 174 испытаній“.—2) По § 110 лит. а п. 17 того же устава „одобреніе къ напечатанію сочиненій, писанныхъ на учрежденныхъ въ Академіи преміи или на соисканіе ученыхъ степеней“ значитъ въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ и признавая сочиненіе, представленное на соисканіе степени магистра богословія преподавателемъ Ставропольской духовной семинаріи *Н. Чернявскимъ*, достаточнымъ для сей степени,—одобрить означенное сочиненіе къ напечатанію подъ непремѣннымъ условіемъ предварительнаго исправленія всѣхъ недостатковъ, отмѣченныхъ въ отзывахъ г.г. рецензентовъ.—2) Сужденіе о коллоквиумѣ имѣть по представленіи г. Чернявскимъ Преосвященному Ректору Академіи 65-ти экземпляровъ напечатанной диссертациі.

XIII. Прошеніе бывшаго п. д. доцента Академіи по кафедрѣ латинскаго языка (нынѣ, за закрытіемъ названной кафедры, состоящаго за штатомъ), кандидата богословія, *С. П. Знаменскаго*:

„Представляя при семъ (въ рукописи) сочиненіе подъ заглавіемъ: „Древне-христіанскія латинскія надгробія и ихъ формулы“, прошу Совѣтъ Академіи принять его на разсмотрѣніе въ качествѣ диссертациі на степень магистра богословія“.

Справка: По § 110 лит. а п. 16 устава духовныхъ академіи „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертациі на ученія

степени и оцѣнка оныхъ“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: Магистерскую диссертацию кандидата богословія *С. П. Знаменскаго* передать на разсмотрѣніе экстраординарному профессору Академіи по кафедрѣ греческаго языка *С. И. Соболевскому*.

XIV. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ вышеозначенной магистерской диссертациі кандидата богословія *С. П. Знаменскаго* онъ назначаетъ члена Совѣта—экстраординарнаго профессора по кафедрѣ греческаго языка съ библейской археологіей священника *Е. А. Воронцова*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XV. Прошеніе законоучителя Одесской 2-й мужской гимназіи священника *Александра Введенскаго*:

„Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи возвратить мнѣ обратно сочиненіе мое, поданное мною на соисканіе степени магистра: „Комментаріи IV, 1—16 ст. кн. Бытія“.

Опредѣлили: Сочиненіе священника *А. Введенскаго* подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ возвратить автору и дѣло о соисканіи имъ степени магистра богословія считать прекращеннымъ.

XVI. Телеграмму Преосвященнаго Ректора С.-Петербургской Духовной Академіи *Епископа Георгія*:

„Глубоко скорбя о смерти незабвеннаго знаменитаго историка русской церкви, бывшаго профессора Московской Духовной Академіи и почетнаго члена С.-Петербургской Духовной Академіи, академика *Евгенія Евсигнѣвича Голубинскаго*, С.-Петербургская Духовная Академія выражаетъ Московской Академіи свое искреннѣйшее соболѣзнованіе“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVII. Отношеніе Преосвященнаго Ректора Казанской Духовной Академіи *Епископа Алексія*, отъ 9 декабря за № 1777:

„Честь имѣю при семъ препроводить, въ количествѣ 50 экземпляровъ, книжку: „Дѣло Совѣта Казанской Духовной Академіи 1897—1898 г. о соисканіи степени доктора богословія *протоіерея Т. Буткевича*“, для раздачи ея профессорамъ и для бібліотеки ввѣренной Вамъ Академіи.

Опредѣлили: Экземпляры присланной книжки раздать гл. членамъ академической корпораціи, а оставшіеся—передать въ фундаментальную академическую бібліотеку.

XVIII. Отношеніе Канцеляріи Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 24 ноября за № 16257:

„I Отдѣленіе Канцеляріи Святѣйшаго Синода имѣеть честь возвратить при семъ журналы Совѣта Академіи, отъ 6 и 13 Октября 1910 г. за №№ 19, 20 и 23, съ относящимися къ послѣднему журналу приложениями, и отъ 3 мая 1911 г. за №№ 7 и 9“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIX. Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 29 ноября за № 3966:

„Въ виду того, что Учебный Комитетъ ежегодно составляетъ вѣдомость объ успѣхахъ и поведеніи *болгарскихъ уроженцевъ*, обучающихся въ русскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, для поставленія о томъ въ извѣстность Экзарха Болгарскаго, Учебный Комитетъ имѣеть честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи сообщить Комитету, согласно отношенію Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 25 января 1895 года, вышеназванныя свѣдѣнія объ учащихся въ Московской Академіи болгарскихъ уроженцевъ за 1910/11 учебный годъ“.

Справка: Отношеніемъ отъ 3 декабря миновавшаго 1911 года за № 729 Учебному Комитету при Святѣйшемъ Синодѣ сообщено, что въ 1910—1911 учебномъ году болгарскихъ уроженцевъ въ числѣ студентовъ Московской Духовной Академіи не было.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XX. Отношеніе Правленія Императорскаго Московскаго Университета отъ 12 ноября за № 4100:

„Правленіе Университета имѣетъ честь увѣдомить Совѣтъ Московской Духовной Академіи, что, вслѣдствіе отношенія отъ 2 сего ноября, за № 677, по постановленію Правленія 10 ноября, разрѣшено пользоваться книгами Университетской бібліотеки ординарному профессору Академіи Михаилу Михайловичу *Таръеву*, въ виду поручительства Совѣта за цѣлость и сохранность книгъ“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XXI. Отношенія Совѣта Казанской Духовной Академіи:

а) *Отъ 5 января с/г. за № 17:* „Совѣтъ Казанской Духовной Академіи вмѣстѣ съ симъ высылаетъ въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи протоколы засѣданій Совѣта за годы 1902, 1903, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908 и 1909 въ трехъ экземплярахъ каждый годъ и памятную книжку Академіи на 1911—1912 учебный годъ и проситъ взамѣнъ ихъ выслать протоколы своихъ засѣданій за тѣ же годы и памятную книжку текущаго учебнаго года. — Протоколы 1910 года еще не вышли изъ печати, по выходѣ въ свѣтъ будутъ присланы“.

б) *Отъ 7 января с/г. за № 24:* „Совѣтъ Казанской Духовной Академіи вмѣстѣ съ симъ препровождаетъ почтой въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи оказавшіяся при Канцеляріи Академіи книги, бывшія на разсмотрѣніи Совѣта въ цѣляхъ удостоенія авторовъ ученыхъ степеней доктора и магистра богословія, и проситъ взамѣнъ ихъ выслать подобныя же книги, бывшія на разсмотрѣніи Совѣта Московской Академіи“.

Совѣтъ Казанской Академіи считаетъ долгомъ заявить Совѣту Московской Академіи: Казанская Академія и въ эти послѣдніе годы не забывала своей старшей сестры, высылка протоколовъ и ученыхъ работъ, бывшихъ на разсмотрѣніи Совѣта, была прекращена единственно въ силу того, что за массою текущихъ неотложныхъ дѣлъ Канцелярія не успѣвала этого дѣлать.

Посылаемыя книги ясенѣ всего, конечно, засвидѣтельству-

ють всегдѣшнее памятованіе Казанской Академіи о Московскоі Академіи.

Списокъ книгъ прилагается особо“.

Въ приложенномъ списокѣ перечислены сочиненія слѣдующихъ авторовъ:

1. *Кузнецовъ*. Законъ о старообрядческихъ общинахъ въ связи съ отношеніемъ церкви и государства (1 экз.).

2. *А. Соколовъ*. Культъ какъ необходимая принадлежность религіи (1).

3. *Н. Чернавскій*. Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ, выпускъ второй (1).

4. *Еп. Никаноръ*. Экзегетико-критическое изслѣдованіе посланія Св. Апостола Павла къ Евреямъ (1).

5. *Н. Чернавскій*. Оренбургская епархія въ прошломъ и настоящемъ, вып. первый (1).

6. *И. П. Соколовъ*. Константинопольская церковь въ XIX в. т. I (1).

7. *Свящ. В. Богоявленскій*. Вторая книга Маккавейская (2).

8. *Прот. І. Саввинскій*. Астраханская епархія (1602—1902), вып. первый и второй (2).

9. *Еписк. Никаноръ*. Толкованіи Апостоль, часть III. Объясненіе послѣднихъ семи посланій Св. Апостола Павла (2).

10. *Н. Терентьевъ*. Лютеранская вѣроисповѣдная система по символическимъ книгамъ лютеранства (2).

11. *Гером. Иннокентій*. Пастырское богословіе въ Россіи за XIX вѣкъ (2).

12. *Свящ. І. Поповъ*. Ламанизмъ въ Тибетѣ, его исторія, ученіе и учрежденія (2).

13. *Свящ. А. Дружининъ*. Жизнь и труды св. Діонисія Великаго, Епископа Александрійскаго (2).

14. *Гером. Гурій*. Буддизмъ и христіанство въ ученіи о спасеніи (1).

15. *Свящ. І. Стрѣльбицкій*. Краткій очеркъ Штундизма и сводъ текстовъ, направленныхъ къ его обличенію (1).

16. *Е. Я. Полянскій*. Творенія блаженнаго Иеронима, какъ источникъ для библейской археологіи (1).

17. *А. Вишняковъ*. Императоръ Юліанъ Отступникъ и литературная полемика съ нимъ св. Кирилла Александрійскаго (1).